

Денис
Драгунский

Двоюродная ЖИЗНЬ

Значит, это настоящая любовь!

Нет, не значит. Ну и слава богу.
Каждый пошел своей дорогой.
Всем спасибо, все довольны.

18+

Денис Викторович Драгунский
Двоюродная жизнь
Серия «Проза Дениса Драгунского»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70106464

*Двоюродная жизнь:
ISBN 978-5-17-159404-6*

Аннотация

В новую книгу Дениса Драгунского «Двоюродная жизнь» вошли три десятка ироничных и пронзительных новелл, а также ресторанные хроники, семейные сцены, фантазмагорические интервью, парадоксальные заметки, просто диалоги о счастье и, наконец, повесть о не шибко талантливом писателе и его гениальной ученице. Главный положительный герой этой книги – умный и добрый читатель, который понимает запутавшихся в жизни персонажей и сочувствует им.

Содержание

Двоюродная жизнь	6
девятнадцать ноль-ноль	6
не намекать, не вспоминать	11
почти по Чехову	24
Дунай, Дунай, а ну, узнай	35
над полями да над чистыми	44
из подслушанного	51
Всякому овощу – свой фрукт	52
ко дню учителя	55
Сидит милый на крыльце с выраженьем на лице	58
режиссер и философ	60
после юбилея	65
литературные моменты	67
школа начинающего читателя	69
возвращаясь к предыдущему	71
очень тяжелая книга	73
литературная учеба	78
мотив, фактура и предыстория	82
литературная учеба	88
а дальше – сериал!	90
и еще один сериал	97
английский роман	99

старинная французская новелла	103
откуда что берется	110
бессмертие гения	113
а если это любовь?	114
наши вашим не пляшут	115
завтра – это позавчера, о котором забыли	118
сегодня	
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Денис Драгунский

Двоюродная жизнь

© Драгунский Д.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Двоюродная жизнь

Рассказы

девятнадцать ноль-ноль

Легкая девочка

– Мама! – вдруг позвала Юля из своей комнаты. – Ты где?

Наталья Сергеевна замерла и приоткрыла рот. Потом прикусила губу. Не сказать чтобы задохнулась. Но сердце забилось, и шея вспотела, сзади. Она вытерла испарину ладонью. Слава тебе, господи. Наконец. Шесть лет прошло. Девочка первый раз произнесла это слово.

Какое счастье.

А как ужасно все начиналось!

Они с Дмитрием Васильевичем чуть не развелись из-за этого. Нет, вы представляете себе: муж вдруг заявляет жене, что у него есть дочь. Побочная, извините за выражение. Девяти лет. Зовут Юля. Говорит, что он ее признал, дал свою фамилию. И что он всё это время тайком ей помогал. То есть маме ее помогал, на самом-то деле. Маму зовут, конечно же, Кристина. «Конечно» – это с горькой иронией произнесла в уме Наталья Сергеевна; хотя что такого в имени Кристина?

Да ничего; а все равно: она просто Наталья, а там этакая вся из себя, ах, Кри-стиии-на.

Правда, муж клялся и божился, что с этой Кристиной он не общается и дочку последний раз видел два года назад. Он вообще сомневается, что девочка знает, кто ее папа.

– Ну и всё, – сказала Наталья Сергеевна и махнула рукой. Но это было еще не всё.

Кристина собралась за границу, устроилась на хорошую работу и с потрясающей непринужденностью попросила Дмитрия Васильевича взять девочку себе. В свою семью. Тем более что у них с Натальей Сергеевной детей не было.

Наглость, конечно, несусветная. Замешанная на моральном шантаже: «а иначе я твою дочь отдам в интернат». В детский приют, проще говоря. Потому что своих родственников у этой Кристины не было. Или были где-то на Хренуткинском Хуторе, и она с ними дела иметь не желала. Да и вообще: отдать московскую девочку троюродной тете на Хренуткин Хутор – лучше уж в детский приют.

Наталья Сергеевна думала ровно десять минут. В полной тишине. Потому что было без десяти семь. Когда на телевизоре выскочили цифры «19:00», она встала с кресла и сказала:

– Берем.

Дмитрий Васильевич поцеловал жену и радостно сказал, что Юля – по словам Кристины, ее матери, – очень легкая

девочка.

Да, правда.

Ни капризов, ни скандалов, ни требований, ни слез. И в школе порядок – со всеми в классе дружит, учится хорошо. Сидит за столом, подперев головку худыми кулачками, и учебник читает. Вилку держит правильно. Спит ручки под щечку. Даже когда пошел переходный возраст – двенадцать, тринадцать, четырнадцать, – такая же вежливая. Дмитрия Васильевича называла папой, а Наталью Сергеевну – никак. Исхитрялась, чтоб без обращения. «Простите... А вот можно... Видите ли... Как вы думаете...» и все такое. И строго на «вы».

Наталья Сергеевна не давила на девочку в этом смысле. Просто старалась быть с ней еще ласковее, еще мягче и роднее.

Потому что буквально через два-три месяца после того, как Юля переехала к ним, Наталья Сергеевна полюбила ее. Это как-то само случилось, незаметно, но быстро: непонятный чужой ребенок, посторонний человек в доме, вдруг превратился в часть ее жизни, в «кусочек себя», как признавалась Наталья Сергеевна мужу. Возвращаясь со службы домой – особенно осенью и зимой, когда свет зажигают рано, – она стояла недолго во дворе, всматриваясь в окна и радуясь, если там мелькнет Юлина тень. А потом специально звонила в дверь, чтоб услышать легкий топот по коридору, и была счастлива. Она ждала, что все получится само.

Вот оно и получилось.

В пятнадцать лет Юля первый раз, так легко, естественно и просто, как будто говорила это слово по сто раз в день, позвала из своей комнаты:

– Мама! Ты где?

– На кухне! – отозвалась Наталья Сергеевна из кухни. – Иду, доченька.

– Что ты, что ты, это я к тебе иду...

Ах, этот милый невесомый топот почти детских ножек, обутых в тонкие домашние балетки! Юля вбежала, обняла Наталью Сергеевну, посмотрела ей в глаза и сказала:

– Мама! Я получила письмо от... От Кристины Михайловны. В смысле от бывшей мамы. Ну, в смысле настоящей. Ой, нет. То есть биологической... Прости, запуталась...

Уселась на табурет и рассказала, что «мама Кристина» в Германии устроила себе личную жизнь. Вышла замуж за очень крутого дядю. Его должны избрать депутатом в региональную, эту, типа думу. Ландтаг, вот! А там журналисты. Они уже пронюхали, что его жена – то есть «мама Кристина» – оставила дочь в ужасной-опасной России. Это плохо для репутации перед выборами.

– А что, в России так ужасно опасно? – как-то некстати спросила Наталья Сергеевна.

– Да все понятно! – махнула рукой Юля. – В общем, надо, чтоб я была с ними.

– Непонятно вот что, – еще нелепее спросила Наталья Сергеевна. – Ты хочешь туда, чтобы выручить нового мужа матери? Или тебе самой очень хочется? Типа новая жизнь, да? – подсказала она.

Юля молчала долго. Наверное, минуту или две.

На кухонном таймере было 18:58. Выскочило 19:00.

– Я так тебе благодарна, мама! – чуть не заплакала Юля. – За всё, за всё!

Наталья Сергеевна собралась было сказать, что благодарность бывает не на словах, а на деле, но подумала – «Чего же я хочу? Чтоб девочка в отплату за шесть лет любви и заботы отказалась от новой жизни в новой стране? От прекрасной, интересной и легкой, как ей сейчас мечтается, жизни. Зачем?»

Поэтому она только спросила:

– А папа знает?

– Да, – сказала Юля. – Он мне оформил разрешение, сделал паспорт и купил билет.

– Дай я тебя поцелую.

– Мама! – Юля обняла и тоже расцеловала Наталью Сергеевну.

Наталья Сергеевна ощутила ее горячую щеку и подумала, что все-таки надо развестись с Дмитрием Васильевичем. Поскорее. Несмотря на двадцать три года совместной жизни. Но разве это жизнь, когда всё – вот так?

не намекать, не вспоминать

Зассыка

Миша Платонов провожал домой Лину Дадашеву и обоссался. В самом прямом смысле, простите.

Но по порядку.

Они учились в МГУ, в стекляшке Первого Гуманитарного, на каком точно факультете – неважно. Допустим, на философском. Или историческом. Не в том дело. Они учились вместе уже три курса. Лина очень нравилась Мише, а он ей – вряд ли. Тем более что они учились в разных группах. Так что у Миши не было возможности как-то намекнуть Лине о своих чувствах. Он даже толком не знал, что она такое, где она живет, как учится, чем интересуется. Все заслоняла ее красота. Ее опьяняющее обаяние – так выражался Миша в уме. Он вообще любил формулировать свои чувства – в уме, повторяю.

Лина Дадашева была очень красивая. Вы, наверное, подумали, что она была смуглая и чернокобая восточная красавица, «каракёз», как говорят наши южные соседи, – но нет. Она была светлокожая, русоволосая и сероглазая, рослая, крупная, с округлыми плечами, розовыми пальцами и весьма рельефной фигурой, совершенно русская – от слова «совершенство». Фамилию она получила от своего прадедушки – он был то ли горец, то ли степняк, но потом его кровь рас-

теклась по жилам славянских потомков, совсем растворившись в них.

Об этом она рассказала Мише в тот несчастный вечер, когда он пошел ее провожать и осрамился.

Не знаю точно, зачем она попросила его проводить ее до дому. Наверное, она уже давно ловила в коридоре смутные Мишины взгляды и слушала его нечаянные вздохи, когда на поточной лекции он садился выше нее и смотрел на ее шею – сзади, в вырезе платья. Наверное, ей захотелось узнать, что это за безмолвный поклонник.

Короче говоря, однажды февральским вечером в раздевалке Миша случайно увидел ее и бросился подавать ей пальто – то есть шубку из цигейки, которую она только что приняла из рук гардеробщицы.

– Ты домой? – спросила она, не заботясь о том, что они еще не знакомы.

– Домой, – сказал Миша, чувствуя, как у него бьется сердце.

– Проводишь, если время есть?

– Конечно! А ты где живешь?

– У метро «Парк Культуры». Мансуровский переулок.

– Отлично! – сказал Миша. – На метро по прямой, а там вроде рядом.

– Ну, на метро скучно... – поморщилась Лина.

– Отлично! – улыбнулся Миша. Ему понравился такой

подход. – Тогда на такси. У меня деньги есть, ты не думай. Сейчас выйдем, перейдем на ту сторону и такси поймаем. Или левака.

– Ну, на такси... – она снова сморщила нос. – Неинтересно. Давай пешком! Заодно поболтаем.

Миша был счастлив.

Так счастлив, что забыл забежать в туалет перед выходом.

Они вышли из университетского двора через красивую чугунную калитку, пошли вдоль длинной кованой ограды, за которой торчали черные ветки деревьев, облепленные заледевшим февральским снегом, потом перешли Университетский проспект, спустились к Метромосту. По дороге они наконец познакомились и даже пожали друг другу руки, и Мише понравилось, какая у нее нежная, но крепкая и горячая ладонь. Вот тут-то Лина и рассказала, почему она Дадашева при таком бело-розовом обличье.

Говорили обо всем – о ребятах, о кино, о книгах, о кафедрах, о профессорах, об иностранных языках, о планах на будущее – хотя какие там планы, только третий курс!

Миша обрадовался, узнав, что у Лины папа работает в издательстве «Прогресс», заведует редакцией, а мама – доцент в инязе. Миша боялся двух вещей – что Лина Дадашева вдруг окажется дочкой какого-то слишком большого начальника или, уж извините, совсем наоборот. Потому что Мишин папа был замдиректора по капитальному строительству московского завода «Предприятие почтовый ящик номер та-

кой-то». Тогда так и говорили: работает в «почтовом ящике». Или на «номерном заводе». Папин завод только считался московским, а на самом деле площадки у них были по всей стране, и папа все время ездил в командировки. Страшно занятой человек. Но при этом успевал руководить сыном. В том числе в плане поиска невесты: «Дочка министра нам не нужна, но девочка совсем наоборот – еще хуже. Ищи золотую середину».

Кстати, жил Миша с папой и мамой в Черемушках, в старом краснокирпичном доме, в очень просторной квартире на третьем этаже, но без лифта.

Обо всем этом они разговаривали с Линой, но по-маленькому хотелось все сильнее. Миша перед Метромостом хотел было юркнуть в кусты – «сейчас, я буквально на минуту!» – но Лина почему-то сказала: «Ой. Темно, а там какие-то мужики. Не бросай меня!» – и Миша, конечно, ее не бросил.

Пошли дальше.

Дошли до устья Комсомольского. Миша уже чуть не на одной ножке скакал. А тут Лина вдруг увидела магазин и предложила зайти выпить соку. А там давали разливное пиво. «Ура! – сказала Лина. – По секрету: обожаю пиво! А по кружечке?» Миша не смог отказаться и выпил две по ноль двадцать пять – как Лина.

Потом ему казалось, что она все это делала нарочно.

Когда они вышли из на улицу, у Миши уже в глазах темно было, и словно острый камень перекатывался вниз живота.

– Ты какой-то мрачный вдруг стал, – сказала она. Остановилась, заглянула ему в лицо. Она была высокого роста. Может, даже выше его на полсантиметра. Глаза в глаза: – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Пошли быстрее!

– Пошли!

Она взяла его под руку, почти что прижалась к нему, и тут Миша почувствовал горячо в ногах. В правой ноге, точнее говоря. Он был в короткой драповой куртке, под брюками кальсоны. Все это намокло, потеплело и тут же стало остывать – потому что на улице был если не мороз, то уж точно градусов пять ниже нуля.

Лина отдернула руку, отошла на два шага, взглянула на его потемневшую штанину и засмеялась:

– Описался? Обдулся, бедняга?

– Иди к черту! – крикнул Миша, повернулся и побежал прочь.

Забежал за угол дома и плюхнулся в невысокий сугроб. Потер обе штанины снегом. Набросал снегу себе на грудь, на рукава. Снова выбежал на проспект, стал ловить такси. Покосился и увидел – Лина на него смотрела с расстояния шагов в пятьдесят, но как только заметила, что он ее видит, тут же повернулась и пошла своей дорогой.

Таксисту Миша объяснил, что упал в мокрый снег.

– Выпил, что ли? – спросил тот.

– Малёк! – сказал Миша. – Наималейший чуток пива. Но

с водочкой! – и через силу засмеялся.

Папа в командировке. Мама в гостях. Стирка, развеска, глажка, озноб, стыд и срам.

Утром Миша не пошел в университет, а вызвал врача из папиной ведомственной поликлиники, получил справку на три дня.

На следующий день пришла Лина. Просто так пришла, позвонила в дверь. Объяснила, что взяла адрес у его одногруппников.

Миша лежал на диване в пижаме, накрывшись пледом. Лина сидела, близко пододвинув к нему стул. «Упоительные бунинские колени, – думал Миша. – Из рассказа “Муза”. Круглые колени под просторной суконной юбкой... Где такие юбки берут? За эти колени можно отдать всю жизнь...»

Лина меж тем говорила, что очень рада их знакомству. И хочет дружить дальше. Но с одним маленьким условием.

– С каким?

– Очень просто, – сказала она. – Мы будем дружить, но ты никогда не подашь виду, не намекнешь и даже не вспомнишь про это... – она тихо засмеялась. – Про это смешное происшествие. В котором я ни чуточки не виновата. Ну а допустим, даже и виновата, ну и что? Даешь слово?

– Слово? Про что? – Миша не понимал.

– Что не намекнешь и не вспомнишь. Ну?

– Нет! – сказал склонный к самокопанию Миша. – Я не

смогу. Не намекать вслух, это можно постараться. Но забыть – это вряд ли.

– Ну и пожалуйста! – Лина поднялась со стула. – А тогда я всем расскажу, что ты зассыка! В прямом смысле! Обоссался при девушке!

– Милости просим, – сказал Миша.

– Подожди, – Лина снова села на стул, придвинулась еще ближе. – Мне так не нравится. Я хочу с тобой помириться.

– Я подумаю.

– Не надо думать. Что тут думать? Давай в знак примирения ты пописаешь на меня.

– А?

– Посикаешь. Ну как тебе объяснить? Сделаешь пи-пи.

– Вот прямо так? На это всё? – Миша с изумленным смешком показал на ее суконную юбку, на шерстяной пуловер, под которым была отглаженная полотняная блузка.

– Ну что ты... – ласково улыбнулась она, снимая пуловер через голову. – На меня на голенькую. В ванной. Твой папа ведь в командировке, а мама на работе, а сейчас только без четверти четыре...

У Миши как будто два стальных молота состукнулись в голове. Представить себе, что Лина Дадашева сейчас разделется перед ним, – от этого у него все дрожало и напрягалось. Но вообразить, что он будет на эту красоту ссать, – это все равно что поссать на картину Ренуара! Тем более что Лина была такая, ренуаровская... От этого у него все как будто бы

отнималось.

Лина уже расстегивала блузку.

– Стоп! – закричал Миша. – Не хочу! Уходи, я сказал!

Через месяц Миша стал ловить насмешливые взгляды в коридорах и аудиториях. Казалось, ребята за его спиной шепчутся и хихикают. Ему захотелось быстренько перевестись в другой вуз, но он решил перемочься, перетерпеть. Мужчина он или слабак, вахлак, зассыка, в конце концов?

Зря он сразу не убежал, конечно.

Потому что примерно в начале мая Лина Дадашева – которую он, кстати говоря, продолжал любить – попросила его вот о каком одолжении. К ней жутко клеится один неприятный человек. Аспирант второго года. Она его терпеть не может, ее просто трясет от омерзения. А он настаивает. Чуть ли не замуж зовет, на полном серьезе. Спрашивает: «Чем я тебе плох? Почему нет? Объясни!» Проходу не дает. Потому что у нее, у Лины, нет нормальной отмазки. Нет *парня*, не говоря уже о женихе. Так что у нее только один выход – «Я скажу, что парень, почти что жених, у меня есть. Это ты! А ты подтвердишь в случае чего. Лады?»

Лады, лады. Он ходил с ней в театр и в кафе. Ждал после занятий. Провожал домой, иногда на такси. И она, представьте себе, занимала ему очередь в столовой, и даже пару раз кричала через весь зал, чтобы все слышали: «Мишка, сиди, я сейчас второе принесу! Тебе с рисом или с пюре?»

Но – и всё.

Никаких реальных подтверждений, что она *его девушка и почти что невеста*, Лина не давала. И резко отбивала все попытки получить эти подтверждения. Даже после того, как дружки ее прежнего ухажера слегка начистили Мише самовар. Почти что при ней, на выходе из библиотеки. Она проводила его домой, наклеила пластырь на скулу, намазала йодом разбитые кулаки, обняла и сказала: «Ты настоящий друг».

И уехала к себе.

А Миша окончательно и бесповоротно понял, что он и в самом деле зассыка. Уже не в прямом смысле, а в переносном. Слабак, вахлак, рохля ни на что не годная.

* * *

Конечно, нельзя сказать, что эта история так уж фатально подействовала на Мишу Платонова и он навек остался пристукнутым и опозоренным. Жизнь его шла, в общем и целом, неплохо. С папиной помощью он перевелся в другой институт, поступил в аспирантуру, защитился в срок, а потом получил сразу старшего научного в академическом НИИ. Женился на тихой милой девушке, внучке бывшего папиного генерального директора, который, хоть и на пенсии, имел своих людей в Совмине и на Старой площади. Папа Миши и дедушка жены сделали молодым прекрасную квартиру, именно «сделали», а не купили, то есть государ-

ственную, а не кооперативную. Потом была докторская. Потом папа умер, потом начались реформы, но ни квартиру, ни тем более докторскую у Миши Платонова никто отнять не мог. Так что он к пенсии дополз до заведующего отделом.

Вот, собственно, и всё.

Нет, не всё.

Когда Мише было уже слегка за шестьдесят, поздним летом, когда его жена и дочь с мужем были на даче, снова раздался звонок в дверь. Точнее, не в дверь, а в домофон.

Это была Лина Дадашева.

Усевшись, как сорок лет назад, на стуле перед диваном и натянув суконную юбку на колени, она сказала, что умоляет Мишу простить ее. Ей это нужно. Зачем, почему? Потому что Мастер сказал: ворота в высшие градусы духовного посвящения открываются только тем, кто прощен теми, перед кем... ну, в общем, ясно.

– Какая хрень! – сказал Миша. – Тебе не стыдно? Взрослая женщина, с высшим образованием...

Лина заплакала, громко и, кажется, искренне.

Миша вдруг почувствовал себя сильным, дерзким и наглым. Как она тогда.

– Давай я лучше чайник поставлю, – сказал он. – Попьешь чайку, и иди, откуда пришла.

– Что, что я должна сделать, чтоб ты меня простил? – она заплакала еще громче.

– Вернуть мне эти два года. Годы подлейших унижений.

Забрать назад все это лицемерие и издевательство и отдать мне мое молодое влюбленное счастье.

– Что я должна сделать? – повторила она.

– А то не поняла. Ублаготворить меня. Усладить! – мстительно сказал он.

– Я?

– Ты, ты. Давай. Решай вопрос.

Так говорил его покойный папа, замдиректора «почтового ящика». «Ну что ж, детки, будем решать вопрос...» – и пододвигал к себе телефонный аппарат.

– Посмотри на меня! – она потрепала пальцами свою дряблую шею, провела ладонью по отвисшей груди. – Ты меня хочешь? На! Бери!

Миша цинически захохотал, потер руки и сделал вид, что встает с дивана.

– Завтра к тебе придет самая лучшая девушка на свете, – сказала Лина, чуть отодвигаясь от него. – Она – это молодая я. Она даст тебе все, что ты только захочешь...

– Проститутка? Выгоню сразу! – нахмурился Миша.

– Нет! – вскричала Лина. – Нет, клянусь! Завтра! Завтра!

Девушка на самом деле была вылитая Лина. Сказала, что она дочка ее младшей сестры.

– Михаил Николаевич, мы на «ты» или на «вы»?

– Раз так, то на «ты».

Именно так мечтал себя чувствовать Миша сорок, трид-

цать, двадцать лет назад: сильным, наглым, самоуверенным, бесстыжим. Мечты сбывались.

– Ну-с... – сказал он, оглядывая ее.

А ведь и в самом деле. Что все его диссертации по сравнению с этим!

Она сбегала на кухню, принесла стакан воды. Раскрыла сумочку.

– Если у вас, то есть у тебя, проблемы с эрекцией, то вот тут экзистерол и фаллопронт. Если при этом какая-то кардиология или сосуды, добавить альфа-фоксинар. А если вообще все-все в порядке, то лучше би-энергейт, общетонизирующее.

– Все-все-все-все в порядке! – сказал Миша, потянулся и встал с дивана. – Обойдемся без таблеток! Ну, давай, Линочка... Ты уж прости, что я тебя так.

– Конечно! Ты Миша Платонов, я Лина Дадашева, – улыбнулась она, закинула руки за голову, расстегнула платье, стянула его вниз, сбросила лифчик, обнажив безупречную грудь, потом отцепила заколку с головы, и пышные чуть вьющиеся русые волосы упали на ее сливочные плечи.

– Ай да Лина! – довольно усмехнулся он.

– Иди в ванную, вымой теребоньку, и начнем, – сказала она.

– Что?! – закричал Миша. – Что вымой?

– Ну то есть пипиську. А что?

– А ничего. – Мир в его голове снова перевернулся, и он

снова сел на диван. – Одевайся. Всё. Тете привет.

– Засада... – вздохнула она.

– В чем засада? Иди себе домой, чистенькая, не трахнутая незнакомым мерзким старым дедом. Плохо тебе?

– Засада... – повторила эта как бы Лина. – Во-первых, тетья. Она шутить не любит. Во-вторых, я закинулась би-энергейтом. Час назад. Две таблетки. Чтоб завестись, ты понял?

– Не понял...

– От этих колес меня жутко ломает на секс! – закричала девушка. – Ну пойдём хоть в ванную! Хоть как-нибудь мне кончить! Чтобы ты, ну хотя бы на меня...

Миша не дал ей договорить, вскочил и убежал из комнаты.

Взял из тайной записки сигарету. Вышел на балкон. Закурил. Сердце чуть стиснулось. Потом отпустило. Он обернулся на стук каблуков.

Одетая Лина – то есть как будто Лина – а может быть, на самом деле Лина? – стояла в дверях.

– Прощай, моя погибшая молодость, моя неисполненная мечта, мое страдание и счастье... – сказал он, слегка паясничая, чтобы случайно не заплакать.

– Зассыка! Зассыка! Зассыка! – крикнула она и убежала. Хлопнула дверь.

Миша загасил сигарету о балконную ограду.

«Зассыка, – мысленно согласился он. – Зассыка, слабак, размазня».

почти по Чехову

Незнакомый мужчина

Сандру освободили через пять с половиной лет, и это было чудо. Впрочем, чудо было уже в том, что ее не повесили, потому что за контрабанду наркотиков на Славных Островах полагалась смертная казнь: военным пуля, штатским петля. Но в день ее ареста – да, да, буквально в день ее ареста! – король Славных Островов издал указ, что к женщинам смертная казнь более не применяется.

Все остальное было чудом рукотворным. Ее мама и родственники наняли адвокатов, подключили журналистов, общественность, церковь, папу римского и далай-ламу, писателей и ученых, чуть ли не ООН – у них были связи и деньги. Просили, умоляли, собирали подписи, доказывали, что Сандра Стейнбок – никакой не «трафикер», а несчастная, ничего не подозревавшая девочка, жертва наркомафии и аферистов. В общем, пожизненное заключение ей по апелляции заменили на двадцать лет; двадцать лет Высокий Суд заменил на десять, а потом, за примерное поведение, выпустили досрочно.

На выходе даже выдали заработанные деньги. Шестьдесят тысяч тапсов на карточку и десять тысяч наличными. Карточку оформили тут же, выдали в заклеенном конверте с пинном, все как в лучших банках. Это выходило примерно две

тысячи долларов. За пять лет. Смешно. Потому что, хоть она и ткала циновки по восемь часов в день, все равно с нее вычли за еду, электричество и одежду.

Кстати, одежду надо было срочно покупать. Нельзя же оставаться в тюремной униформе – в брезентовых шортах и такой же рубаше.

В исправительной колонии она писала длинные покаянные письма маме. Ах, как мама не хотела ее пускать на Славные Острова! Как она была против этого безделья среди лагун и пальм! «Искать себя!» Искала бы себя в своей родной стране, в Европе, в Штатах – почему обязательно на экваторе? Почему обязательно в городе, куда съезжается вся шпана со всего мира? А она, как дура, кричала: «Это моя жизнь! Я взрослый человек! Я хочу жить так, как я хочу! Я хочу понять себя, найти себя!» Ну вот и пожалуйста. Все поняла? Понятней некуда.

Она писала эти письма, перечитывала и рвала на мелкие кусочки.

Потому что это страшно, больно и унизительно – обнять маму и сказать ей: «Прости. Ты была права».

Хотя еще страшнее и унизительнее – это молча опустить голову, когда мама скажет: «Ну, что я говорила?»

Но самое страшное – это если мама поцелует, обнимет, ни словом не намекнет, но в голове-то у нее все равно будет прыгать победная мысль: «Я была права, а ты дурочка!»

От этого у Сандры ломило в затылке и болело в груди,

просто физически тошнило, и в такие минуты она давала себе клятву: лучше тюрьма, голод, нищета, петля, что угодно – только не пепельная укладка на умной маминой голове, только не мамин взгляд, в котором под сочувственным прощением светится презрительная ирония.

Так думала Сандра по ночам, отмаявшись у ткацкого станка. А под утро ей, бывало, снился дом, почему-то всегда дождь, прохлада, мокрый газон перед домом, воскресный завтрак на веранде, серебряный кофейник, – и она, если это был выходной день, снова просила бумагу и карандаш, снова писала: «Мамочка, дорогая, любимая...», а потом снова рвала письмо и клала кучку клочков на краешек стола.

А как все прекрасно начиналось!

Снятый вскладчину с новыми друзьями просторный дом на бархатном пляже, сто метров от синей воды залива; фантастически дешевая рыба, креветки и кальмары, а овощи вообще даром – да, в прямом смысле даром – к двум рыбинам можешь набрать бататов, аспарагуса и вареного риса сколько унесешь. А какие друзья! Художники и поэты, мистики и ясновидцы, а главное – молодые бизнесмены, которые затевают крутые стартапы.

Вот один такой ее и подхватил.

Как это – подхватил? Да очень просто: незнакомый мужчина подошел к столику, улыбнулся, завел разговор, на третьей фразе по-дружески на секунду прикоснулся рукой к ее плечу...

Дома все мужчины были знакомые. Мальчишки из хороших семей и их папы, мамины дальние родственники. Потом скучные студенты, тоже из очень хороших семей.

Незнакомый мужчина – как дверь в другой мир.

Умный, красивый, добрый, милый, голос не повысит, все с улыбкой. Богатый. Не миллионер, конечно, но деньги есть, и немало. Скоро переехали к нему, он снял отдельный домик. Полгода жили вместе на Островах. Потом путешествовали. В Северной Африке были, в Штатах – Каньон, Ниагара, Им-пайр – все как надо. Потом по Южной Америке поехали. Перу, Эквадор, Колумбия. Уже купили билеты назад, завтра вылет, и тут вдруг он горестно и ласково сказал, показывая месседж в айфоне: «Отец захворал. Совсем старик. Боюсь, дело к концу. Ты хорошая, ты, конечно, хочешь со мной поехать, я знаю... Но ты же дико устанешь, мне тебя жалко, это же далеко – самолет, потом поезд, и потом еще полдня на джипе, отец в деревне живет... Лети домой, я буду через недельку. Ну, через полторы. Да, кстати, возьми мой портфель, что я буду его с собой таскать». Конечно, возьму! Зачем спрашивать! Он ее называл своей женой: в гостинице, в ресторане, проводникам в горах.

Как это не привезти домой портфель мужа?

Когда Сандра прилетела, она не успела дойти до паспортного контроля: ее взяли сразу перед зеленым коридором. Офицер резко протянул к ней руки, он был похож на голкипера, который лихо берет мяч, пробитый неумелым игроком.

В тюрьме ей все рассказала надзирательница: у этих ребят ремесло такое. Они милые и терпеливые. По полгода, а то и по году обхаживают девушек. А потом пускают их с грузом. Из трех, как правило, попадаются две. А одна все-таки проскакивает. Груз стоит до пяти миллионов долларов, и это чистая прибыль. Овчинка стоит выделки. Две девушки идут в расход, а третью пускают на волю – забирают у нее портфель, и беги, радуйся, что цела осталась. Вот такой стартап.

Тюрьма была на далекой окраине.

Сначала надо было купить одежду, а уже потом думать, что делать дальше.

Сандра зашла в маленькую лавочку и купила канпаньян – семиметровую полосу крашеной ткани. Разделась. Замотала конец вокруг правого плеча, потом обмотала вокруг груди, дальше вниз, до колен, потом перехват вокруг бедра и вверх к левому плечу, вокруг и снова вниз, пояс и вроде шлейфа справа. Ткань была тонкая и легкая, сквозистая – как раз для здешней жары. Продавщица, одетая в такой же канпаньян, подвинула к Сандре узкое зеркало на бамбуковых ножках. Неплохо! Ей всего-то двадцать восемь лет, и какая стройная!

Дальше надо было ехать в центр. Найти кого-то знакомого. Снять комнатку в доме с хорошими соседями, и чтобы поближе к морю. Улечься в гамак и постараться понять, что делать дальше.

В автобусе у Сандры вдруг начал болеть зуб. Ни с того ни с сего. Наверное, от нервов. Надо расслабиться.

Она сошла с автобуса на перекрестке, зашла в кафе и заказала двойной виски. Первый раз за пять с половиной лет.

Алкоголь обжег ей рот и отуманил голову. Она испугалась, что заснет или упадет с табурета. Придвинулась к стене. Оперлась спиной. В ушах как будто бы играла музыка. Вдруг ей стало смешно: «Дорогая мамочка! Послушай. А вдруг у меня все правильно? Только в другую сторону?» – чуть ли не вслух сказала Сандра. Мама говорила: пять-шесть лет помучаешься, получишь хороший диплом – и потом счастье. Потом еще пять лет помучаешься для пи-эйч-ди – и опять счастье. Потом помучаешься, пока своего шефа не подсидишь, тоже лет пять всю контору окапывать – и опять счастье... За счастье ведь надо платить, так? У мамы плата вперед. А у меня наоборот: сначала счастье, а потом я заплатила. Оплата по факту. А какая разница? Все равно надо платить. А хоть бы и тюрьмой! Потому что это было настоящее счастье. Не мамино. Что это за счастье – быть начальницей над сотней чиновников? Жить без мужа, вообще не иметь мужчины, не иметь ничего для себя?

Сандра вспомнила волшебный год, который прожила со своим, скажем уж прямо, негодяем. Да, потом оказалось, что негодяй. Увы-увы, это жизнь. А может, не увы-увы, а ура-ура? Ведь как было хорошо с ним, от самой первой секунды, когда он положил свою сильную руку на ее плечо, до самой последней секунды, когда на ее запястьях больно защелкнулись наручники.

Потому что, когда она летела сюда, расставшись с ним, как он обещал, всего на неделю – ей все еще было хорошо. Она летела, полудремала в широком кресле бизнес-класса, и вспоминала о нем, и любила его в своих мыслях – так, что у нее дрожали бедра от воспоминаний, и она даже попросила стюардессу принести плед, прикрыться от груди до колен.

Он был великолепен в любви! Нежный, страстный, чуткий, сильный и невероятно громадный, и еще у него на самом кончике было два твердых бугорка, он смеялся и говорил, что у всех мужчин его племени – так. Хотя в тюрьме подруги ей объяснили, что про племя – чушь, это они вживляют себе такие маленькие золотые шарики. Но неважно! Ее всю сводило, от пяток до затылка. И сто раз неважно, что было потом. Это была плата за счастье...

Она так его любила, что в тюрьме совсем не страдала без секса. Женщинам два раза в неделю раздавали на ночь пластмассовые фаллосы (разносили их в ведерке со спиртовым раствором) или предлагали успокоительные таблетки. Она не брала ни того, ни другого. Ей хватало воспоминаний.

Алкогольное облако улетучилось, и снова заболел зуб.

Сандра подошла к стойке, чтобы взять еще виски, но передумала.

В этом городе, большом и малоэтажном – от этого он казался еще больше, – врачебные кабинеты были на каждом шагу. Сандра увидела вывеску стоматолога. «Город большой, а круг узкий», – подумала она, потому что фамилия

была знакомая. Американец, который жил рядом, когда она снимала дом вместе с компанией поэтов, мистиков и молодых бизнесменов. Он, кажется, был мистиком с медицинским дипломом. Часами сидел в позе лотоса и массировал себе пятки. Кажется, они пару раз переспали. Или нет? И вообще, он ли это? Фамилия Диксон не самая редкая. Сандра отодвинула бамбуковую занавеску и зашла вовнутрь – да, это был он. Но теперь совсем смуглый и худой, похожий на местного. Он что-то читал в планшете. Поднял голову.

В тюрьме она выучила язык. Даже два – сельский диалект, на котором говорили надзирательницы, и городской, более изысканный, язык офицеров и адвокатов.

– Hello dokter sayang! – сказала Сандра – Saya sakit gigi parak.

– Вы говорите по-английски?

– Да.

– Вот и говорите по-английски, так-то оно лучше будет, – неприятливо сказал он, натягивая перчатки. – зуб болит, говорите? Садитесь. Откройте рот. Какой зуб?

Сделал снимок и сказал, что надо вскрывать и пломбировать канал. В три сеанса. Это будет стоить восемнадцать тысяч. Шестьсот долларов, тут же подсчитала Сандра. А можно просто выдернуть. Ничего. Верхний правый шестой, никто не увидит. А через полгода – имплант.

– Сколько стоит?

– Имплант?

– Нет. Выдернуть.

– Бесплатно. Это как скорая помощь. Скорую помощь при острой боли мы оказываем бесплатно. За счет городской программы.

– Рвите, – сказала Сандра.

– Сейчас сделаю укол... Тоже бесплатно. Но за снимок триста.

Когда он потом снял перчатки, она увидела его короткий раздвоенный, как будто разрубленный ноготь на большом пальце левой руки. Все-таки он. Приступ нежной беспомощности – вдруг захотелось прижать его руку к своему лицу, поднять на него глаза, прошептать «неужели не узнал?» – но от этого внезапного чувства стало стыдно и даже гадко.

«Гадкая, глупая, стыдная жизнь, – думала Сандра, лежа в гамаке, в дешевой комнатке с решетчатыми стенами, меняя во рту окровавленные ватные тампоны и кидая их на пол... – Пустая, бессмысленная, больная жизнь... Мама! Мамочка! Где ты?»

Она заплакала.

Через два дня она обедала в модном ресторане, и угощал ее молодой бизнесмен с Континента, ну то есть с Севера, с Материка. Они познакомились сегодня утром. Он был из крепкой старой фермерской семьи, но окончил университет. Компьютер сайенс плюс эм-би-эй. У него сейчас был отличный стартап, он не вдавался в детали, но ясно было, что это

очень круто и перспективно.

Они сидели на террасе. Вокруг медленно катились волны пестрой праздной толпы.

На Сандре был новый канпаньян, белый с фиолетовыми полосами, и сандалии из кожи варана, а он был в тонком кремово-белом европейском костюме, но без сорочки – пиджак на голый торс. Золотой медальон играл на его смуглой груди. Он откинулся на спинку кресла, свободно расставив свои крепкие ноги. Она оглядела его и тут только почувствовала, что у нее пять лет и семь месяцев не было мужчины.

Но пока они просто приятно беседовали – так, ни о чем.

Вдруг словно вспышка ослепила ее глаза, и ужас перехватил ее дыхание, как будто что-то смертельное случилось на этой площади, как в старом кино – налетели вертолеты и стали поливать огнем, – она задохнулась и поняла: мама!

Мама ведь знает, когда она освободилась! Ведь это мама всё организовала! Мама опять ее настигла!

Мама шла по площади, улыбалась ей и протягивала к ней руки. Как тот офицер, который ее арестовывал в аэропорту.

Сандра вскочила с кресла и заорала так, что вилка задрезжала на тарелке, и все официанты и бармены дернулись и повернулись к ней.

– Мама! – кричала она. – Не смей! Не трогай меня! У меня своя жизнь! Своя, своя, своя! Не подходи ко мне!

А красавец в бело-кремовом костюме, зная, что Сандра уже бесповоротно принадлежит ему, ласково и увещатель-

но говорил:

– Ай-ай-ай, Сандра, ты не права! Нельзя так с мамой. С мамой надо вежливо! Это же твоя мама! – и почти по-отечески хмурился, и полушутя грозил ей смуглым пальцем, на котором торчал толстый перстень с рубином.

Дунай, Дунай, а ну, узнай Атмосфера

До этого чудесного, кукольно-уютного городка было всего полчаса на электричке; поезд отходил от специальной платформы на Восточном вокзале, расписание было удобное – чуть ли не каждый час, – потому что туда ездили толпы народу, и не только туристы. Местные жители, особенно которые побогаче, тоже любили провести там субботу или воскресенье – поплутать по узким улочкам, пообедать в старом ресторане, попить домашнего вина из расписных фаянсовых стаканов, посидеть на черных дубовых скамейках с резными спинками.

Но Эстер впервые оказалась там, когда ей уже исполнилось тридцать пять.

Почему? Во-первых, она была очень занята. Гимназия, университет, работа, муж, быстрый развод, слезы, психолог, другая работа, второй муж, второй психолог – теперь уже настоящий дорогой психоаналитик, потому что Эстер после развода стала хорошо зарабатывать в своем банке, – потом второй развод; магистратура в Италии, новая должность, третий муж – вернее, кандидат в мужья, то есть бойфренд, который обманул ее как бы нехотя, отчего стало еще обиднее. Романтический любовник, чуть ли не поэт, как минимум вдохновенный декламатор стихов, – как только они ста-

ли жить вместе, превратился в тупого любителя пива и сериалов; с ним совершенно не о чем было поговорить, да он и сам не стремился: устраивался на диване с пультом – и вечер сделан. Слава богу, телевизор он смотрел в наушниках. Тишина в квартире нарушалась лишь чпоканием открываемых пивных банок. Эстер дождалась, когда закончится контракт с жильцами, которым она сдала свою квартиру, и уехала от него, ничего не объясняя. И даже не позвонила своему психологу.

Итак, занятость, недосуг – это первая причина. Вторая причина важнее. Эстер терпеть не могла куда-то бежать вместе со всеми. Смотреть фильмы, которые все смотрят, читать книги, которые все хвалят, покупать билеты со скидкой на курорт, где все отдыхают по той же скидке. «Все уже по десять раз побывали в этом старинном маленьком городе? Значит, я погожу», – так, или примерно так, думала Эстер.

Но как-то раз в воскресенье она, вдруг оказавшись подле Восточного вокзала, вдруг вспомнила об этом городке и решила, что это неплохой случай занять свой выходной день.

Городок ей, как ни странно, понравился, хотя ехала она туда, заранее сложив губы в скептическую улыбку. Но уж очень приятно там было! Домики под черепицей, ремесленные мастерские с сувенирными лавочками, пекарни, маленькие забавные музеи: «Музей штруделя», «Музей подтяжек». Фотоателье, где дамам для съемки выдают шляпку, а господам – цилиндр. Бесконечные ресторанчики и кафе. По

моощным улочкам ездят старинные экипажи: можно прокатиться по маршруту «церковь – рынок – ратуша – старая аптека». На углу стоит полицейский в имперской форме, с саблей на боку. В толпе нет-нет да и мелькнет трубочист в черном котелке, с узкой лопатой и гирькой; разносчик с большими корзинами, полными разноцветных пакетов; дворник в белом фартуке, с медной бляхой на груди и метлой в руке – всё как в старину. Вернее, как в книжках про старину.

Городок стоял на холмах, порой довольно крутых. Некоторые переулки были в виде каменных лестниц. Эстер немножко устала, то карабкаясь вверх, то осторожно спускаясь вниз по круглым булыжникам. Она зашла в ресторан, съела гуляш из крохотного эмалированного ведерка, на десерт взяла рогалик, выпила чаю из растрескавшейся глиняной чашки, выкурила сигарету уже на улице, сидя на скамье под платаном, а потом поднялась на Замковую гору.

* * *

И вот тут, в одном из домов, которые уступами поднимались по соседнему холму, образуя как будто нарост налепившихся друг на друга каменных человеческих гнезд, Эстер увидела окно.

Занавески отдернуты. Стол. Лампа. На столе – пишущая машинка. А за столом сидит мужчина, седой и лохматый. Лет пятидесяти или даже постарше. Он курит трубку – тогда еще

не боролись с курением так, как теперь, – он подносит спичку к погасшей трубке, он раскуривает ее – и Эстер кажется, что она видит огонек под сизым пеплом, – он окутывается дымом, он трет себе лоб и печатает на машинке. То медленно, едва подбирая даже не слова, а буквы, то быстро, вдохновенно, едва справляясь с потоком фраз, которые как будто вырываются у него из-под пальцев.

Несомненно, это был писатель. Ну в крайнем случае, журналист. Эстер училась в Милане и видела там памятник знаменитому журналисту Монтанелли. Он сидел с пишущей машинкой на коленях, тоже очень сосредоточенный и умный.

Но этот, наверное, был все-таки не журналист. Уж очень пышная у него была шевелюра, уж очень красивая трубка, и уж очень по-писательски он откидывал голову и прикрывал глаза. Печатал на своей старинной машинке, как пианист играет на рояле.

Эстер подумала, что это было бы смешно, глупо, наивно, нелепо и бесцельно – вдруг взять и влюбиться в него.

Но только она об этом, смеясь сама над собою, подумала – как все. Готово. Влюбилась. А тут уж смейся не смейся – не поможет.

Она стояла у высокого, ей по грудь, каменного парапета, окружавшего маленькую площадь на Замковой горе. Если нагнуть голову – там был обрывистый край крутого холма, поросший низким кустарником. Кое-где наружу выступали серо-желтые пласты известняка. В самом низу, как реч-

ка на дне ущелья, вилась узкая мощеная улица: по ней двигались макушки, шляпы и бейсболки туристов. А напротив, как будто на другом берегу, в кажущейся близости – словно бы руку протяни, и вот! – теснились старинные домики. Конечно же, там, на соседнем холме, тоже были свои улочки, тупики и дворики, но они отсюда не были видны.

Она поставила локти на парапет, подперла кулаками щеки и стала всматриваться в человека за пишущей машинкой. Эстер дала волю своим мечтам.

Ничего, что он немолод. Она тоже не юная девушка. Ей нужен именно такой мужчина. Он был прекрасен: элегантен, по лицу сразу видно – умен, и, наверное, талантлив. Но уж очень увлечен работой. Полчаса прошло, а он все стучал по клавишам – и она чуточку соскучилась, даже почувствовала что-то вроде досады. Но одернула сама себя: жена писателя – «Боже! Какая еще жена? Кажется, я совсем сошла с ума!» – ну ладно, не жена, а подруга, возлюбленная, как еще назвать? – в общем, женщина писателя должна быть терпеливой.

Вдруг она увидела, как он встал из-за стола. Комната опустела, свет погас – у Эстер тревожно забилось сердце, – но через полминуты зажглось соседнее окно, левее. Там было что-то вроде кухни. Слава богу, он никуда не ушел, не исчез, не пропал. Он просто готовил себе кофе. Ей казалось, что она чувствует кофейный запах. Как до этого чувствовала трубочный дым. Но это, конечно, ей только казалось.

* * *

По пути к вокзалу и особенно в электричке она хмыкала, хихикала и сама себя называла романтической дурой.

Но через неделю снова приехала в этот городок и, дождав-шись первых сумерек, снова взобралась по крутым улочкам и каменным лестницам на Замковую гору.

Писатель был на месте. Окно было открыто, и Эстер яв-ственно слышала стук клавишей и лязганье каретки.

Она стояла и смотрела на него, пока совсем не стемне-ло. Хотя она и влюбилась без памяти – но все-таки помнила про расписание поездов и в половине десятого быстро пошла вниз, к станции, догоняя последние компании туристов. Она снова смеялась над собой, но точно знала, что в следующее воскресенье вернется.

Еще через два визита Эстер высмотрела узкий проулок рядом с домом писателя. Внимательно разглядела и запо-мнила парапет, на который опиралась. Так. Трещина, выбои-на, плеть плюща. Отлично.

* * *

В следующий раз она, петляя по улочкам и упираясь в ту-пики, все-таки взобралась на холм напротив Замковой горы.

Вот и промежуток между домиками. Отлично. Виден тот самый кусок парапета. Трещина, выбоина, плеть плюща. Значит, она на месте. Несколько шагов назад, короткий спуск по лестнице, и вот дощатая дверь с медной ручкой.

Эстер не стала дергать цепочку звонка. Потянула дверь на себя.

В прихожей была темнота. Глаза чуть привыкли – и она увидела, что перед ней крутая лестница, а откуда-то сверху льется неяркий свет.

Взмахнув рукой, отгоняя сомнения и страхи, она взбежала вверх.

– Что вам угодно? – услышала она.

Прямо перед ней стоял рослый широкоплечий мужчина – то есть силуэт мужчины, потому что он заслонял собою лампочку. Она не видела его лица. Но точно знала, что это он.

Громко, отважно, отчаянно и весело, словно в жаркий день бросаясь в холодную реку, она сказала, почти крикнула:

– Я вас люблю!

Он коротко усмехнулся и сказал:

– Кажется, я вас тоже...

– Что? – прошептала Эстер.

– Ну, то есть вы мне тоже очень нравитесь.

– Что? – повторила она.

– Но вы же та девушка, которая уже полтора месяца каждое воскресенье смотрит на меня с площадки на Замковой

горе? Так красиво опершись локтями на каменный парапет? Или я путаю? Как только вы опускали глаза, я искоса взглядывал на вас... Нет, это точно вы! Я даже собрался вас разыскать...

– Разыскать? – изумилась Эстер. – Но как?

– Собрался сегодня же вечером пойти на фирму. А тут вы и сами пришли! Как славно.

– На какую фирму? – Эстер ничего не понимала.

– На нашу фирму, – сказал он, отошел в сторону, задернул занавеску и зажег еще одну лампу. – Вы ведь тоже «атмосферная», да?

– Какая?

– «Атмосферная»! – повторил он. – Вот как я.

Он взял со стола лохматый седой парик, стал натягивать его на свою коротко стриженную голову. Ему было лет сорок самое большее.

– Нас тут несколько таких, – объяснял он. – Мы торчим в окнах и создаем атмосферу старинного городка. Еще, конечно, трубочисты и извозчики, но те хоть делом занимаются. А мы так, для картинки. Турист проходит по улице и видит через окно – вот часовщик, вот гравёр, вот счетовод с деревянными счетами и толстыми конторскими книгами. А вот просто большая добрая семья сидит за столом и ужинает. Ну или я, писатель, – седые кудри, трубка... Вам ведь понравилось? Кстати. Могу поговорить на фирме, чтобы вас взяли на работу. Это ведь красиво – писатель творит, стучит на ма-

шинке, а там стоит и на него смотрит влюбленная молодая женщина... Мизансцена, черт возьми! А? Вас оденут как надо: длинное платье, шляпка, бисерная сумочка...

– Театр, – выдохнула Эстер.

– Да, – сказал он. – «Мир – театр, а люди – актеры». Но ничего страшного! Актеры тоже люди. Актеры могут любить помимо ролей. Я знаю Гамлета, который счастливо женат на Офелии!

– А вот скажите, – вдруг спросила она. – Где вы учились?

– Актерскому мастерству? У Ласло Банфи! – гордо сказал он, но вздохнул и добавил: – Хотя, если честно, это был двухмесячный курс. А так-то я окончил Политехнический. Экономика легкой промышленности. Видите, я ничего не скрываю.

– Прекрасно! – сказала Эстер, доставая визитку. – Я служу в банке «Европа-Инвест», заведу департаментом. Приходите ко мне на собеседование.

– Нет! Я артист! – он отпихнул ее руку; визитка упала на пол.

– Что ж, – сказала Эстер. – Рада была познакомиться.

над полями да над чистыми Мира и Мура

Когда-то здесь – между станцией метро и трамвайным кругом – был небольшой рынок. Несколько тесных рядов – палатки, киоски, стекляшки и просто прилавки, сверху покрытые то фанерными козырьками, то полосатой парусиной, то кусками пластика на металлических рейках. Овощи, фрукты, мясо, молоко – но и всякие хозяйственные мелочи тоже. Лампочки, например.

Он как раз покупал лампочки. Даже не покупал, а выбирал. Рассматривал, что там выставлено на полках за спиной у продавца.

– Мура! – услышал он.

Обернулся.

Сзади стояла женщина – его возраста, то есть сильно за сорок. Честнее сказать – к пятидесяти. Смотрела на него пристально, будто стыдясь спросить – «узнал»?

Узнал.

– Мира? – спросил на всякий случай. Она кивнула, он протянул к ней руки, взял ее за плечи, придвинул к себе, легонько обнял.

Она засмеялась, обнимая его в ответ:

– Что, сильно повзрослела?

– Не сильнее, чем я.

Она чмокнула его в щеку. Он ее – тоже. Астматический запах духов. Отступил на полшага. Посмотрел на нее быстро, но внимательно. Да, повзрослела. Обдергалась, извините. Он тоже не помолодел и тоже не в «Бриони».

Но не в том дело, господи!

Он вдруг почувствовал мороз на щеках. Вспомнил, как они ездили компанией на дачу к однокурснику Василькову – у того родители в командировке. Зима. Скрипучий искрящийся снег. Огромный дом. Камин. Много комнат. Луна в окне второго этажа. Верхушки елок. Картинка! И гадчайшее чувство одиночества, брошенности, ненужности.

Мура и Мира.

Он – Саша Муромцев. Красивая фамилия, кстати. Никакого отношения к знаменитому дворянскому клану – но все равно приятно. Кстати говоря, Мурой его прозвала она. Почему? Да так. Когда впервые познакомились, на первом курсе. «Я Мира, а ты будешь Мура! Мира и Мура, а?» То есть сразу как будто пристегнула к себе.

Мира Захарова. Почему Мира? Нет, не еврейка. Папа так назвал. Профессиональный советский «борец за мир». Но не из Комитета защиты мира, что на проспекте Мира, – забирай выше, из Всемирного совета мира... Сначала Вена, потом Хельсинки. Всякие Пикассо, Арагоны и прочие Жолио-Кюри. Мира родилась где-то там и прожила в Европе чуть ли не десять лет.

– Ну, что ты, как ты? – спросил он.

– Пригласил бы девушку в кафе! – ответила она.

Там рядом была «Шоколадница».

Сели.

– А ты как?

– Нормально, – сказал Мура. – Жена-дети. Живу тут недалеко. Вот, вышел пройтись. Замдиректора издательства. Небольшое, но нам с ребятами хватает. Плюс разные совместные проекты.

– Отлично! – сказала Мира. – А я как раз перевожу!

– О! – Мура бодро поднял брови. – Романы? Или нон-фикшен? С какого?

– С немецкого и финского. Романы тоже, в том числе.

– Хорошо. Ты лучше о себе расскажи.

Она рассказала. Хотя могла бы и не рассказывать, Мура все и так увидел, по ее плащу, сумочке, ногтям и особенно – по туфлям. И еще – по удушливому парфюму. «Не увидел, а учуял», – в уме произнес он.

Итак, был муж – она нарочно отчетливо произнесла его имя-отчество-фамилию, чтоб Мура понял, что это не Коля Бахарев, к которому она от него убежала на глазах всей компании, в новогоднюю ночь, на даче у Василькова. Добавила, что Коля Бахарев пропал в конце девяностых. «Кажется, – она прищурилась, – пропал от слова “совсем”, ты меня понял?» Мура понял. Она продолжала. Папа давно умер. Мама тоже. Много лет был муж, есть дочка, которая уже выросла; мужа выгнала, потому что полная бестолочь, хотя по-

началу папа его одобрил: перспективный молодой человек. «Бездельник, почти что альфонс, и даже хуже, чем сволочь, потому что придраться не к чему», – зло улыбнулась Мира.

– Эх! – сказал Мура и тоже хотел улыбнуться, но не сумел, только губы дрогнули.

На секунду забылись все годы, и вся жизнь куда-то ушла из памяти, и захотелось обнять Миру – но не так, как полчаса назад, осторожно за плечи, а как следует, сильно прижать ее к себе, поцеловать и прошептать: «все будет хорошо», и сделать так, чтоб у нее – и у него с ней – все на самом деле стало хорошо.

Да, это мелькнуло буквально на секунду – он ничего не сказал, даже не вздохнул, не пошевелил рукой ни на миллиметр, но Мира будто почувствовала его смятение и вдруг, ни с того ни с сего, как бы с чистого листа начиная, спросила:

– Скажи, а ты правда меня любил?

– О, как я тебя любил...

– Да. Я знала.

– Ну вот видишь! – Мура слегка развел руками и наконец улыбнулся.

Улыбнулся добродушно, дружески и чуть-чуть покровительственно. Так улыбается друг юности, который выбился в большие начальники и вот случайно встретил своего оголодавшего однокурсника, выслушал его невзгоды и, кажется, готов предложить ему помощь.

Мира поймала эту улыбку и сказала:

– Разумеется... – и замолчала.

Он вдруг снова почувствовал зиму, ночь и загородный мороз – хотя сейчас был теплый сентябрь, пять часов дня самое позднее.

Они ехали на Новый год к Василькову, обоим было ясно и понятно, что должно случиться в эту ночь, – они специально решили, что все у них начнется с первого января, с первого дня нового года. Боже, как сияли ее глаза, сбоку подсвеченные луной, как бы насквозь пронизанные серебряно-синим светом ночи, когда они вышли из маршрутки и шагали, нагруженные сумками с вином и закусками, по улочкам дачного поселка, и во всех окнах переливались огни новогодних елок, и кто-то весело перекрикивался с соседями, с крыльца на крыльцо, и мороз щипал щеки. На даче Васильков сразу выдал Муре стопку простынок, наволочек и пледов и указал комнату на втором этаже.

А потом приехал Коля Бахарев. Высокий, пошловато красивый, в просторном узорчатом свитере – и Мура, потом сто раз вспоминая эту ужасную новогоднюю ночь, никак не мог найти этот момент, когда Мира вот только что была с ним, и хохотала, и прижималась плечом – и вдруг она стоит у окна с Колей Бахаревым, смотрит на него снизу вверх, теми же сияющими, луной подсвеченными глазами, смотрит робко и радостно, преданно и покорно, и пальцем водит по его свитеру. Водит своим драгоценным, теплым, с ласковым ноготком пальчиком, который Мура еще два часа назад сжимал и

гладил, когда они ехали в маршрутке, и тайком целовал, и облизывал, поднеся ее руку к губам, и косился на ее взгляд, сияющий в темноте, и это сияние было ему – а теперь, значит, все? Почему? За что?

Нет, он не хотел отступить. Были танцы, был чай с тортом, и он пытался ее вернуть, обнять, хотя бы поговорить, но она выскальзывала из объятий, уклонялась от вопросов, а счастливый соперник все время то курил на крыльце, то заваливался на диван подремать – впрочем, Мура и не собирался бить ему морду, потому что он тут ни при чем, это Мира сама так решила и поступила...

Ужасное, унижительное чувство – вдруг стать неприятным, нежеланным, назойливым. И ненужная стопка наволочек и простынок на диване. Он уехал, не попрощавшись, еще затемно. А потом Мира спокойно здоровалась с ним на факультете, как будто ничего не было. Нет, не этой подлой ночи не было – а вообще ничего не было, трех месяцев встреч и провожаний, кино и театров, поцелуев в подъезде, медленного привыкания друг к другу, осторожных прикосновений, расстегиваний сначала одной пуговицы, потом двух, трех... как будто не было никогда.

– Что «разумеется»? – спросил Мура.

– Разумеется, я не имею морального права просить тебя...

Она подняла глаза и посмотрела на него так же, как тогда смотрела на рослого красавца Колю Бахарева – робко и преданно, радостно и покорно.

И с восторгом, с негодованием, с презрением, уверенный, что его никто – в том числе и он сам себя – за это не осудит, он сказал, отчетливо выговаривая каждое слово, да что там слово – каждую букву:

– Разумеется, не имеешь никакого права!

Встал, подошел к стойке, расплатился и вышел, не оглянувшись на нее.

* * *

Потом этот рыночек у метро снесли. Теперь на его месте пустое асфальтовое поле и туча голубей, которых целыми днями кормят старушки и дети. Голуби густо покрывают асфальт белыми кляксами помета – и эта маленькая площадь иногда пахнет курятником.

из подслушанного О серьезном и развлечениях

– Вообще-то он мне нравится. Такой приятный, цветы, рестораны, но чувствую – не серьезно. Во-первых, женат. Да, женат! Так прямо сразу и заявил. Правда, про жену плетет, что все уже давно прошло, одна инерция... Врет, наверное.

– А во-вторых?

– Во-вторых, мы уже пятый раз встречаемся, и никакого разговора о серьезной перспективе. То есть я для него – просто развлечение! Я так не хочу!

– А если он сделает предложение? «Люблю тебя, развожусь, будь моей женой!» И дарит колечко. Ты этого хочешь?

– Что я, с ума сошла? Если он разведется, то квартиру точно оставит жене. По глазам вижу. Будет снимать квартиру на Коммунарке. А я чтобы бежала с ним в новую жизнь? Чтоб мне тоже разводиться? Чтоб я оставляла своего ребенка без родного отца? Нет уж, спасибо.

– Выходит, он для тебя тоже развлечение. Вот и развлекайтесь на здоровье! Тем более что он такой приятный.

– Нет. Все-таки хочется чего-то серьезного.

Всякому овощу – свой фрукт

Услышал иронично-презрительный рассказ женщины о том, как низко может уронить себя мужчина. Сюжет такой – она впервые пришла к мужчине домой, пока его жены нет дома (то ли на даче, то ли в командировке). После секса она наблюдала, как ее любовник тщательно ликвидировал все следы греха: натягивал простынку, взбивал подушку, прилежно осматривал всю постель, не остался ли чужой волосок, ниточка, капелька, а после того, как она приняла душ, чуть ли не пальцами лез в сток ванны, чтобы там случайно не застрял ее волос. Очевидно, жена приезжала сегодня вечером...

Вот рассказчица и говорит, что этот мужчина уронил себя в ее глазах ну просто ниже плинтуса и вряд ли она с ним еще хоть раз встретится.

Не вдаваясь в споры о том, насколько весь рассказ вообще правдив (он выглядит чуть фельетонно, но жизнь преподносит еще и не такое), хочу сказать: да, этот мужчина вызывает брезгливый смех, что верно, то верно. Он действительно себя уронил.

Ну а женщина, которая пошла к нему домой, пока жена на даче, и легла в постель его жены, – она сильно себя подняла?

Думаю, они стоят друг друга.

И маленький постскриптум.

Одна умная женщина, которой я на днях пересказал эту

историю, сказала: «Увы, дело опять же в пресловутой маскулинности нашей культуры. В такой культуре принято, что в сексе, а тем более в адюльтере, за честь и порядочность отвечает мужчина, а женщина – это влюбленная милая баловница, и все».

НЕТ НИЧЕГО СТРАШНЕЕ ИДЕАЛА

Услышал страшную и поучительную историю.

Одна женщина очень любила мужчину, и он ее тоже. Потом они расстались. Но лет через пять снова встретились. И любовь вдруг снова вспыхнула в их сердцах. Они пошли к ней домой (она была разведена, и квартира у нее была отдельная). Там она пошла в ванную, чтобы раздеться, сполоснуться и выйти к нему в халате.

Но, раздеваясь, она вдруг увидела страшное: носочки – резинки носочков, точнее – оставили красные следы, круги на ее лодыжках.

И она не стала выходить из ванной.

Он подождал минут пять или десять, а потом постучал тихонько. Она не откликнулась. Замерла. Позвал. Она не отвечала. Только тихонько журчала вода. Так повторилось еще раза два.

Наверное, он решил, что она там умерла. И со страху, быстро, но на цыпочках ушел из квартиры: он испугался, что придется вызвать скорую, потом приедет и милиция, и его

начнут подозревать...

Когда она услышала, что дверь хлопнула, она подождала еще минуты три, тихо накинула халат и вышла из ванной.

Опять одинокая, но избавленная от такого позора.

Вдруг она посмотрела на свои ноги и увидела, что красные круги совсем побледнели. На левой ноге еще виден был легкий розовый след, а на правой уже не было вообще ничего...

КО ДНЮ УЧИТЕЛЯ

Не надо лгать —

говорил нам учитель. Прежде всего не надо лгать самим себе. Не надо принимать желаемое за действительное, не надо маскировать земное небесным.

Если ты делаешь легкую утреннюю пробежку и тратишь на это 45–50 минут, не говори «я бегаю каждое утро по часу».

Если тебе нравится девушка и ты не прочь пойти с ней в кино, а там, если и она не прочь, переспать с ней – не говори себе «я ее люблю». Из-за любви люди рвут поводыря. Смогли бы ты ради нее бросить институт или работу и уехать в другой город? Нет? Вот и не болтай.

Если ты читаешь по-английски, лазая в словарь или догадываясь о значении слов по контексту, – не говори сам себе «я, в общем-то, знаю английский».

И так далее. Если вы научитесь не лгать сами себе – то со временем вы отучитесь лгать людям. А там, глядишь, и люди перестанут лгать вам. Ну или будут вам лгать поменьше – и вам станет чуточку легче жить.

А в деле жизни чуточка – это очень много.

ПОТЕРПИТЕ НЕМНОГО, И ВСЕ НАЛАДИТСЯ —

очень старое утешение. Вот-вот перестанет дождь и начнется настоящее лето. Вот-вот повысят зарплату, пенсию, прожиточный минимум, найдут работу, дадут квартиру, скосят проценты по кредиту. Вот-вот мы снова со всеми подружмся, все флаги в гости будут к нам. Мы верим. Это из детства, – говорил нам учитель.

Сначала больно, потом хорошо. Вот зубик посверлят, и он пройдет. Вот укольчик сделают, и температурка упадет. Таблетка горькая, зато животик болеть не будет. Вот садик кончится, пойдешь в школу, будет у тебя пенал и перочинный ножик. Вот скоро, уже скоро выпускной. Поднатужься насчет ЕГЭ. И насчет вступительных тоже, зато потом – вольная студенческая жизнь! Вот сдашь госы, защитишь диплом, и всё – взрослый человек! Вот разошлешь резюме и пройдешь собеседование... Вот кончится испытательный срок... Вот пересядешь к окну, когда этот старый хрыч уволится... Вот повысят оклад и дадут бонус. Вот женишься, и не надо будет скакать по квартирам друзей – все твое законное, усладь душу и тело любовью! Вот пойдет ребенок в садик... вот пойдет ребенок в школу... вот сдаст ЕГЭ, и вступительные тоже. Вот напишет диплом, разошлет резюме и пройдет собеседование, вот его пересадят к окну, когда эта

старая стерва уйдет на пенсию, вот родится внук, вот он пойдет наконец в садик, в школу, сдаст ЕГЭ, разошлет резюме...

Потерпите, скоро пенсия, будете ездить по бесплатному билету и ходить в музеи со скидкой.

Сидит милый на крыльце с выраженьем на лице

Потерпите, вот привезут кресло-каталку, можно будет хоть двигаться по квартире. Вот сделают укольчик, и болеть перестанет.

Вот священник придет, подождите, потерпите, зато потом будет хорошо. Пойдите в очереди к апостолу Петру, это недолго, потерпите, зато потом будет хорошо. Ага, понял, десять тысяч лет чистилища... Погодите, какое чистилище, я же православный! А, понял, не в ту очередь встал... Извините. Ладно, ничего, потерпим, не привыкать. Зато потом уже точно будет хорошо.

А может быть, мы вообще с самого начала не в ту очередь встали?

Сидит милый на крыльце с выраженьем на лице

Я недавно узнал: оказывается, нельзя писать про нехорошего человека, что у него мерзкая рожа. Оказывается, обсуждать внешность, а тем более осуждать внешность – это фи! – сказал нам учитель.

Фи-то оно, может быть, и фи, но надо уточнить. Если у нехорошего человека на лице рябинки или прыщи, тяжелая челюсть, узкий лоб, тонкие губы, маленькие глазки, сальный нос и прочие особенности лица – конечно, подчеркивать это, дразнить за это неприлично. Неприлично, если речь идет о физических свойствах черепа или кожи, которые от человека не зависят.

Но если речь идет о выражении лица – то, думаю, мы имеем право сказать: «мерзкая, злобная, лживая рожа». Поскольку лицо (в смысле – выражение лица) люди зарабатывают всей своей жизнью.

Хотя случаются и ошибки, конечно. Помню одного художника, чье лицо было поразительно красиво и благородно и казалось мне – да и не одному мне – чуть ли не символом страдания за правду. Но его носитель оказался человеком очень так себе...

Наверное, тут есть правило: «благородный лик – сто раз проверь; а вот в мерзкой роже – не сомневайся».

Боюсь, что статистически это именно так, – вздохнул учитель.

режиссер и философ

Вспоминая «Пресс-клуб»

Говорухина я видел один раз в жизни, в первой половине девяностых. Была тогда любимейшая народом передача «Пресс-клуб»; я участвовал почти в каждой передаче, спасибо продюсеру Анатолию Малкину и ведущей Кире Прошутинской – они меня все время приглашали. В этом «Пресс-клубе» журналисты и режиссеры показывали свои короткие, на 5–10 минут, фильмы (просто сюжеты, репортажи, как бы телевизионные наброски), а потом собравшиеся их обсуждали. Было очень интересно, поскольку среди обсуждающих были очень известные люди – от, как говорится, и до. Художники, партийцы, священники, министры и т. п.

Так вот. Один раз пригласили Говорухина с сюжетом о том, как все в России заворовались.

Он прежде всего выговорил себе право курить во время эфира («Пресс-клуб» – это был прямой эфир, sic!). Сидел в кресле посреди студии и курил сигареты, одну за одной. И говорил о том, что все рухнуло, морали нет, честь продана, родина рассыпалась в клочки, сын восстал на отца, брат отдал сестру в бордель, и т. д.

И вот Светлана Сорокина задает вопрос (помню почти дословно):

– Станислав Сергеевич, я вас хочу спросить не как жур-

налист, а просто как человек, как обычная женщина: вот как вы можете жить и работать, если всё на свете на самом деле так ужасно?

Говорухин затаился, выпустил дым, стряхнул пепел и сказал:

– Дитя мое! Жизнь тяжела, но, к счастью, коротка.

Сорокина помотала головой и уточнила:

– Неужели вы хотите поскорее умереть?

Говорухин надменно отчеканил:

– Я же сказал, дитя мое. Жизнь страшна, ужасна, отвратительна. Но к счастью, да, да, к счастью! Очень коротка.

И отвернулся.

Возможно, он даже где-то в чем-то прав, не знаю.

Но он мне странным образом показался похожим на Галича в описании Лимонова в книге «Записки молодого негодяя»: Галич поет на квартирнике, все кругом пробавляются водочкой и портвейном, а у ножки кресла, на котором сидит Галич, стоит специально для него припасенная бутылка коньяку, из которой отхлебывал только он. Навеяло отдельным особым разрешением Говорухину курить в студии во время передачи.

И еще: потом Лимонов пишет, как они с художником Юло Соостером, который привел его на этот квартирный концерт, идут по улице. Лимонов (возможно, стараясь оправдать Галича за этот отдельный особый коньяк) наивно говорит:

– Наверное, этот человек столько пережил... Сидел...

Юло Соостер отвечает:

– Нет, он не сидел. Он успешный сценарист и трахатель баб.

Вспоминая «Пресс-клуб»

Галич при этом великий поэт.

А Говорухин – прекрасный актер и талантливый режиссер.

* * *

А вот и философский мемуар.

С режиссерами у нас в СССР было лучше, чем с философами. Хороших режиссеров немало, а вот философов – раздва и обчелся. Но некоторых крупных философов я видел воочию, а кое с кем даже беседовал. Лосева просто созерцал, с Ильенковым и Щедровицким разговаривал мельком, а подробно – с Мамардашвили и Успенским (он, хоть вроде и математик, но настоящий философ).

Но вот Александра Зиновьева я однажды прогнал из телевизионного эфира.

Дело было так. Один раз в «Пресс-клуб» среди прочих пригласили Зиновьева. А я, надо сказать, его любил, ценил и уважал. Как философа и как писателя-диссидента. Тут тебе «Комплексная логика», тут тебе «Para Bellum» и «Зияющие высоты». Я даже обрадовался возможности познакомиться.

Приходит такой седой дядя и начинает с места в карьер

(еще эфир не начался):

– Как известно, вся перестройка и демократизация – это заговор НАТО и Запада с целью разрушить Россию!

Я говорю:

– Простите, вы серьезно?

Он на меня глазами сверкнул и повторяет то, что сказал. Заговор Запада против самобытной и духовной России.

Я на него гляжу и вижу: да, это когда-то был логик с интересными идеями. Да, это когда-то был талантливый памфлетист. А сейчас передо мной сидит просто старый дурак. Старый дурень – и точка. На умственном уровне вот этих, которые в ЖЭК приходят слушать политинформацию, как Европа загнивает. Одна разница – те деды ни на что не претендуют. А этот – мыслитель, елки-палки...

Мне стало горько и смешно одновременно.

Он говорит:

– Вы что смеетесь? Вы что, не понимаете, что перестройку нам устроило НАТО?

И тут я заржал во весь голос. Искренне, громко, хлопая ладонями по коленям, сгибаясь, прыская и утирая слезы платком.

Он как закричит:

– Перестаньте смеяться! Вы над чем смеетесь?

Я, икая, честно проговорил:

– Над – ик... вами – ик!

Зиновьев говорит:

– Раз так, я ухожу! Не нужна мне ваша передача!

Кира Прошутинская, ведущая, говорит мне:

– Перестань! Возьми себя в руки!

Я говорю, икая:

– Кирочка – ик! Не могу – ик!

Тут Зиновьев встал и громко вышел из студии.

Кажется, кто-то побежал вслед. Уговаривали вернуться.

Но он отказался. Принципиальный человек!

Я этим происшествием не горжусь, конечно. Но и не раскаиваюсь ни капельки.

после юбилея

Штрих к портрету большого поэта

Мой товарищ, журналист из «Комсомолки», рассказывал:

Однажды – дело было в 1970-х – в редакцию пришел Евтушенко. Все столпились в приемной, встречать знаменитого поэта. Он был невероятно моден, наряжен, шикарен. Мало того, он был еще очень разноцветен и пестр. Клетчатый пиджак, расписная рубашка, широченный яркий галстук. Японские часы размером в подкову, с синим граненым циферблатом. Рубчатая подошва оранжевых ботс, ярко-белые носки ну и все такое прочее.

Шум, радость, рукопожатия.

Потом поэт скрылся в кабинете главного редактора.

А мой приятель пошел в свою комнату, дальше работать.

Часа через три ему надо было ехать в ЦК комсомола, чуть ли не к самому товарищу Тяжелникову, первому секретарю. Согласовывать, по поручению главного редактора, какой-то очень важный, принципиальный и актуальный материал.

Вот он сидит в приемной первого секретаря ЦК ВЛКСМ, ждет своей очереди.

Вдруг видит – в приемную входит какой-то скромный мужчина лет сорока с небольшим. Аккуратный чиновничий костюм, белая рубашка, галстук-селечка, на руках часы «Полет» на узеньком ремешке. Черные начищенные туфли.

По виду – типичный райкомовский работник с периферии.

Но почему такое знакомое лицо?

Мой приятель взгляделся и чуть не ахнул: Евтушенко!

Он сначала подумал, что поэту будет неприятно, раз его застукали на такой метаморфозе с переодеванием. Но ничего. Поэт его не узнал, разумеется. Хотя три часа назад они вроде бы здоровались за руку.

Спешу подчеркнуть, что это никак не умаляет творческих и идейно-политических достоинств поэта. Но подчеркивает его социальную умелость.

Что само по себе неплохо, правда ведь?

литературные моменты

Три встречи

Набоков рассказывал, что в 1922 году Пруст и Джойс в Париже случайно оказались в одном такси; Джойс закрыл окно, а Пруст открыл, и они поссорились. Но Набоков все перепутал: это Пруст закрыл окно, ибо всегда боялся простуды, а Джойс, наоборот, открыл. Но поссорились они все равно.

В 1847 году Достоевский приехал в городок Броды, чтобы увидеться с Бальзаком, где вслух с листа перевел ему «Бедных людей». “Pas mal, – сказал Бальзак, – mais je ferais de Makar un comte en faillite et appauvri, et de Barbara la fille d’un banquier capricieux” (Недурно, но я сделал бы Макара впадшим в бедность графом, а Варвару – дочерью своенравного банкира). Достоевский с досады вступил в кружок Петрашевского.

В 1829 году двадцатилетний Эдгар По оказался в Петербурге и попросил познакомить его с лучшим русским поэтом. Его привели в клуб, где был Пушкин; однако По отказался пожать ему руку, увидев характерную негритянскую синеву вокруг ногтей. Пушкин велел другу своему Толстому, по прозвищу Американец, набить настоящему американцу морду. «Странные бывают сближения!» – повторял он, рас-

сказывая об этом случае.

школа начинающего читателя

Восемь с половиной

причин не читать книги

1. Каждый день появляются сотни или даже тысячи новых якобы хороших книг. Все книги прочитать невозможно, а выделять какую-то одну – несправедливо.

2. Кто поручится, что именно эта книга лучше прочих? Ты потратишь время и силы и пропустишь что-то по-настоящему классное.

3. Верить рекламщикам нельзя, верить приятелям – тоже. Рекламщик врет сознательно, а приятель даже хуже, чем врет: он просто лишен вкуса и понимания.

4. Если автор утверждает то, с чем ты согласен, тебе это читать незачем, ты и так знаешь, что $2 \times 2 = 4$, а детей надо любить. Если же автор внушает, что $2 \times 2 = 100\ 500$, а детей надо бросать в колодец – ты только зря расстроишься. Банальные и оригинальные мысли бесят одинаково.

5. Это же касается и формы выражения. Читать книги, написанные точным и прозрачным «классическим» стилем, – смертельно скучно, а от натужного авангарда того и гляди стошнит.

6. Одни книги бесят тебя своей умностью, другие – оскорбляют своей глупостью; никто не гарантирует, что дан-

ная книга придется тебе точно по мозгам.

7. Если ты видишь новую книгу – знай, что ты ее почти наверняка уже читал: под другим названием, другого автора, но все равно что-то такое было. Прочитай – и ты в этом убедишься; но зачем тратить время на такие дурацкие эксперименты?

8. Тем более что времени у тебя немного. Лучше делать что-то полезное или просто приятное, чем разбираться в том, что навывдумывал не самый умный человек о жизни не самых замечательных людей.

8,5. И еще: кроме того, книги стоят дорого. Платить 500 или 1000 рублей за книгу, которую ты потом навсегда поставишь на полку или выложишь на подоконник на лестничной клетке? Брать книгу в подарок (тем более от автора) – это значит принимать на себя обязательство ее прочитать, а это... – см. пункты 1–8.

возвращаясь к предыдущему Посоветовать книгу

«Бывает, советует человек книгу, я ее читаю, и слышится его голос если не в авторском тексте, так хотя бы в одном из персонажей. Советовать любимую книгу – это, конечно, про близость. Как минимум духовную», – говорила моя собеседница Валерия В.

Верно. Вспоминаю историю из совсем юных лет.

Казалось бы, настоящая близость – пока только духовная, но очень сильная. Разговоры по три часа по телефону, прогулки, паузы со долгим смотрением глаза в глаза...

И вот тут я ей посоветовал книгу, которой в тот момент был очень увлечен. Книгу умную, сложную, «недля-всех-нюю», уже почти классическую в Европе, а у нас только что переведенную и от этого отчасти даже модную.

А через несколько дней она сказала, вроде бы по-дружески, но как-то слишком твердо, настойчиво, с ощутимым протестом в интонации: «Прости, но мне это решительно не понравилось».

Хотя она сама была очень интеллигентная, гуманитарная и творческая, из интеллигентной и творческой семьи.

Я был очень этим огорошен. Так что наша близость так и осталась духовной. И стала помаленьку выдыхаться.

Но когда я через много лет обдумывал ту ситуацию – прекрасная книга «решительно не понравилась» молодой женщине, которой она по всем признакам должна была бы понравиться, – мне вдруг пришло в голову вот что.

Может быть, моя подруга просто решила настоять на своей самостоятельности, самооценности.

Потому что несколько месяцев она только и делала, что кивала. Гуляем по переулкам Замоскворечья. Я: «Смотри, какой особнячок красивый...» Она: «Да, да! Какой чудесный! Обожаю русский ампи́р». Сидим на научной конференции. Я: «Ух, какой этот профессор дурак». Она: «Да, да! Полный идиот, стыдно слушать». Выходим из кино. Я: «Все-таки этот актер – почти гений. Помнишь вот этот эпизод...» Она: «Да, да! Помню! Чудесно! Просто потрясающе!»

И вот так сто пятьдесят семь раз.

На сто пятьдесят восьмой она решила сказать: «Нет!» Чтобы остаться собой, остаться личностью, не превратиться в этакое восторженно кивающее дитя.

Жаль только, что ее законное и по-человечески понятное «нет» пришлось именно на эту книгу. А не на особнячок, не на профессора, не на актера.

А может быть, все правильно получилось.

В смысле – Бог управил.

очень тяжелая книга

Из жизни книголюбов

Я знаю много историй об утерянных и найденных книгах. Писатель Леонид Юзефович рассказал, как его жена Наташа потеряла второй том «Анны Карениной», взятый у соседки, – но самое обидное, что это был том из 12-томного собрания сочинений – то есть урон, нанесенный хозяйке, был бы особенно сильным; даже не знаю, с чем сравнить собрание сочинений с недостающим томом... Однако урон нанесен именно «был бы», потому что поэт Алексей Решетов тут же отдал Юзефовичу нужный том со своей книжной полки... Помню чудесный рассказ одной знакомой, как она забыла в электричке драгоценный томик Кафки, но позвонила диспетчеру, он сообщил машинисту, и книгу ей вернули через окно локомотива.

Я сам вспомнил, как мой друг дал мне почитать однотомник Хлебникова 1930-х годов издания; дело было на даче. И вдруг книга исчезла. Я сразу признался другу – вот такая странная неприятность, но подожди, я достану тебе такую же книгу. Через неделю я ее достал-таки, с трудами и немалыми затратами – но что поделаешь... Не точно такую же, но почти! Тоже 1930-х годов и, кажется, даже еще более редкую. А буквально на завтра на дачу приезжает один наш родственник и говорит: «Вот я у тебя тут книжку взял почитать, дер-

жи, возвращаю!» – и отдает мне Хлебникова.

Но вот еще одна история о пропавшем томе собрания сочинений.

* * *

Подруга взяла у меня почитать «Подростка» Достоевского. Это был восьмой том так называемого «серого», или «ермиловского», десятитомного собрания сочинений. Книга толстая, я ее не торопил, но штука в том, что это была не «моя» книга, а «наша», то есть семейная: собрание сочинений Достоевского, среди прочих собраний, стояло в книжном шкафу в гостиной, и я боялся, что отец или мать заметят недостачу – в те годы люди очень ценили свои библиотеки. Так что я придвинул седьмой том к девятому, а спереди поставил статуэтку – фарфорового мальчика с собакой – и стал поторапливать подругу, тем более что прошло уже месяца полтора. Достаточно даже для такого длинного и сумбурного романа.

Подруга сначала три раза забывала взять книгу с собой, идя ко мне на свидание, потом была дико занята, потом уезжала за город, потом принимала кузину из Воронежа, потом тяжело расставалась с любимым человеком, но в конце концов все же призналась: книгу она потеряла.

– Но я тебе ее верну, клянусь! – сказала она со всей серьезностью и даже взяла меня за руку и сжала мои пальцы,

что мне было не так уж приятно, особенно в свете ее рассказов о расставании с «любимым человеком», о котором я узнал внезапно, и был этим, правду сказать, огорчен: я-то думал, что ее любимый человек – это я...

– Клянусь! – повторила она.

– А где ты ее возьмешь? – спросил я, высвобождая пальцы.

– Не вопрос. Запишусь в библиотеку, в абонемент, возьму на дом, а потом скажу, что посеяла. И заплачу штраф, фигню какую-то.

– Нет! – сказал я. – Не годится. Библиотека – это святое.

Я же был настоящим книголюбом. Я не мог посягнуть на общественную читальню.

– Хорошо, – ответила она. – Все равно придется спереть, но ладно, не в библиотеке, раз уж ты такой строгий.

– А где?

– Да боже мой! – засмеялась она. – Куча людей, у которых книги стоят так, для красоты и солидности. Они их все равно не читают. Но дай мне на это дело недели две, а? Дашь?

– На! – сказал я.

Мне не понравился этот разговор, но говорить ей «ладно, брось, забыли» я тоже не хотел. Это было бы совсем глупо.

Через две недели она позвонила вечером и сказала, что через пять минут зайдет.

Раздеваться не стала. Вытащила из сумки сверток – книга была завернута в цветастый платок. Сообщила, что сперла

нужный том у своей давней знакомой Марины Морозовой – кажется, я ее мельком когда-то видел, но плохо помнил. Рассказала, что сначала высмотрела Достоевского в шкафу в кабинете ее папаши, а потом – а именно сегодня вечером, прямо вот только что – сумела-таки вытащить книгу, сунуть ее под свитер, в ванной перепрятать в сумку – «и вот я пред тобою, мой милый!».

– Но ты хоть прочитала? – неизвестно зачем спросил я.

– А то! Хорошая книга. Но тяжелая. В обоих смыслах! – она развернула платок, достала восьмой том «серого» Достоевского, положила на приступочку у вешалки, повернулась и убежала.

Я вышел за нею, послушал, как лифт едет вниз, вернулся, взял книгу и понес ее на место. Отодвинул в сторону фарфорового мальчика с собакой, раздвинул седьмой и девятый тома – и вдруг почувствовал, что книга и в самом деле тяжеловата.

Раскрыл ее. Слава богу, в комнате никого не было. В середине книги была вырезана сердцевина страниц по форме пистолета. И пистолет был на месте. Не «Макаров» и не «ТТ». Что-то иностранное. Я не стал рассматривать. Я захлопнул этот чертов восьмой том и задумался.

Это была пятница, в субботу мы всей семьей ехали на дачу, там я скотчем примотал к книге камень и в лесу бросил ее в болотце. Хотя камень был лишним. Она бы с пистолетом и так утонула. Восьмого тома я так и не достал, потом, уже

после смерти родителей, купил новое собрание сочинений, академическое, бежевое, в тридцати томах. Вот и всё...

Да, чуть не забыл! Подруга рассказала, что папаша этой Марины Морозовой через пару дней вечером сел в машину и уехал, и больше его не видели.

литературная учеба

Об уместности сравнений

Так вот, кстати! На что может быть похоже собрание сочинений, в котором не хватает одного-двух томов.

Были сравнения/метафоры точные, но банальные. Челюсть, в которой не хватает зубов. Забор, в котором не хватает досок. Балюстрада, в которой не хватает колонн. Или шеренга солдат, один из которых убит.

Менее банальные сравнения/метафоры не столь точны, потому что касаются уже не образа, а какого-то общего предположения о нехватке/дефекте: клавиатура без отдельных букв или клавиш (это еще более или менее визуально), а далее чистый разум – коктейль без рома, секс без финала, оркестр без контрабаса.

Меж тем метафора – как и ее младший родственник «сравнение» – должна быть не только точной или яркой, но и уместной.

Что это значит? Это значит, что она должна встраиваться в текст. Сравнение/метафора – это не просто листок бумаги, на котором написано: «собрание сочинений с недостающим томом = как пиджак, у которого не хватает пуговиц». Оно должна войти во фразу, в абзац, лечь на страницу.

Вот, например:

«Анна Яковлевна прикрыла дверь, опустила шторы, за-

згла фонарик и на цыпочках подошла к книжному шкафу. “Посмотрим, что читают мои странные нелюдимые соседи...” – усмехнулась она. На средней полке стояло много-много собрание сочинений Льва Толстого. Ближе к левому краю вместо одного тома зиял черный провал. Это было похоже на...»

Ну, на что? Неужели на оркестр без контрабаса? На коктейль без рома? Или на чайник без крышки?

У Гумилева есть строки: «Только книги в восемь рядов, Молчаливые, грузные томы, Сторожат вековые истомы, Словно зубы в восемь рядов». Значит, сравнение со щербатой челюстью вполне уместно. Но важно, чтобы весь контекст был мрачный и угрожающий.

Или так:

«Там в шкафу было собрание сочинений Льва Толстого. Книги стояли неплотно, клонясь набок, потому что многих томов не хватало – так же, как не хватало досок в заборе вокруг этой старой дачи, мимо которой Маша проходила два раза каждый будний день, когда шла на станцию и когда возвращалась из города».

Ну или даже:

«Когда-то, наверное, всю эту полку занимало собрание сочинений Льва Толстого – знаменитое издание с металлическим портретом автора на каждом томе. Но теперь полка была пуста, и к углу притулился один том – одинокий, как папироса в пустой пачке, та последняя папироса, которую, по

уличной поговорке, даже вор не возьмет. Кирилл протянул руку, посмотрел, что там, в этом томе. Так и есть. Богословские бредни обезумевшего графа. “Да, правда, это добро даже вор не возьмет!” – в уме усмехнулся Кирилл, громко ставя книгу назад».

Вот такие дела.

Итак:

Сравнение должно соединяться с объектом не менее чем двумя смысловыми нитками. Девушка-березка – годится (красивая + стройная). Девушка – труба ТЭЦ – не годится (одной лишь стройности мало).

И особенно важна точка зрения. Кто говорит (думает, сравнивает). Рассказчик – это не просто человек – у него есть пол, возраст, культурный уровень и т. п. Ясно, что сравнивать одинокий том с последней папиросой и вспоминать уличную поговорку про вора – это скорее мужская речь. А про челюсть со скрытой адресацией к Гумилеву – возможно, это скорее речь романтической женщины. Про покосившийся забор вокруг старой дачи – речь скорее гендерно нейтральная.

Но вообще лучше без этих фокусов. Вот так:

«На полке стояло собрание сочинений Льва Толстого. Двух томов не хватало. Разумеется, утащили “Анну Каренину”...»

Короче говоря – хорошая книга должна быть не только хорошо придумана, но и хорошо собрана из хороших деталей.

Хотя мне часто говорят:

«Да ладно вам про композицию, сюжет, зачин и финал, характеры и стиль... Кому это надо? Главное – это талант автора! Когда книга талантлива – она захватывает, она заставляет вчитываться, не дает оторваться. А когда нет – тогда извините, и не морочьте нам голову композицией и стилем».

Это все равно, что я бы сказал:

«Да ладно вам про двигатели, топливо, аэродинамику и электронику! Кому это надо? Главное, чтобы самолет летел! Чтобы он бороздил небеса! Когда он летит этаким серебряной птицей – это прекрасно! А когда не может взлететь – то не морочьте нам голову двигателями и аэродинамикой».

Детское, «чудесатое» отношение к делу. Ни в литературе, ни в самолетостроении так не получается.

мотив, фактура и предыстория

Упражнение

Он снова вошел в эту комнату. Первый раз за полгода. Она стояла у окна, спиной к двери.

Боже, даже не верится, они не виделись целых полгода, шесть месяцев, двадцать шесть недель, сто восемьдесят дней, какое-то несчетное количество часов, и ему казалось, что он вспоминал ее каждый час.

– А вот и я! – сказал он, стараясь говорить весело и просто.

Как будто не полгода прошло, а полчаса. Как будто он куда-то вышел ненадолго и тут же вернулся.

Она обернулась, улыбнулась, вспыхнула и бросилась к нему.

– Здравствуй!

Они обнялись. Он почувствовал, как сильно она стиснула ему плечи; ее пальцы гладили, нет – жадно ощупывали его спину, шею, затылок

– Здравствуй, моя хорошая, – говорил он, поглаживая ее в ответ, проводя пальцем по ложбинке между ее лопаток, вниз, до самой талии.

– Господи, – шептала она. – Господи, наконец-то. Я так тебя ждала...

– И я, и я, и я... – бормотал он.

Он был счастлив. Он очень скучал по ней все эти полгода. Он истосковался по ее поцелуям, по ее объятиям, по всей ее сладости и радости. Он знал, что прямо сейчас они поедут к нему и им будет хорошо.

– Господи, – говорила она. – Я только сейчас я поняла, как я на самом деле тебя люблю. Как ты мне бесконечно дорог. Как я к тебе привязана, всей собою. Всей душой, всей своей жизнью. Вот теперь я как будто вдруг узнала самую важную правду про себя...

– Какую? – тихо спросил он, чуточку отстранившись и вглядываясь в нее.

– У меня ничего нет, кроме тебя, вот моя правда... Нет, нет, что ты, конечно, конечно, – шептала она, поднимая к нему лицо, покрасневшее, будто бы смятое счастьем, – у меня много всего, работа, друзья, но ты главное всего. Главное тебя нет.

– Ну ладно, ладно, – вдруг сказал он.

Еще минуту назад он жил предвкушением того, как они войдут в его пустую квартиру, обнимутся и повалятся на кровать, которую он утром застелил свежим бельем. Но сейчас все стало по-другому. Его тело еще желало объятий и ласк, тем более что она так жарко к нему прижималась. Смешно и странно. Он продолжал ее обнимать, он все еще продолжал хотеть ее как мужчина, но желание уходило из его сердца – не быстро, но неуклонно, как вода из ванны, когда выдернешь пробку.

– Ладно, не надо так уж прямо вот... – повторил он.

– Что не надо? – изумилась она.

– Не надо говорить глупости! – поморщился он. – Не морочь голову.

– Я не морочу тебе голову, – она резко побледнела. – Я говорю правду.

– Не морочь голову себе! – раздраженно сказал он. – Сама себе не морочь голову, понимаешь?

– Я говорю правду, – повторила она, продолжая его обнимать. – Что-то случилось? Ты меня разлюбил?

– О, боже правый! – он помотал головой. – Что за словеса! Нет, ничего не случилось. Я очень хорошо к тебе отношусь. Я тоже к тебе привязан. Я очень дорожу нашими отношениями. И я от души надеюсь и верю, что в наших отношениях ничего не изменится.

– Понятно, – сказала она, разжала объятия и отошла на два шага.

– Вот и прекрасно, – он подошел к ней, поцеловал ей руку.

– Ты зачем пришел? – спросила она.

– Здравсьте! – засмеялся он. – Как я мог не прийти первым делом к тебе? А к кому еще мне приходиться? Не чужие, слава богу! Пришел сказать, что вот он я. В твоём полном распоряжении.

– Хорошо, – она пыталась улыбнуться. – Я тебе позвоню.

– Вечером? – спросил он.

– Наверное, – неожиданно холодно ответила она. – Поста-

раюсь.

* * *

Почему этот текст называется «упражнение»?

А потому что это не просто рассказ, но и – если захотеть – своего рода упражнение для начинающих писателей.

Надо придумать, кто эти люди. В каких отношениях они были. Почему они разлучились на полгода. Отчего «она» только сейчас решила сказать ему, как он ей дорог, и почему «он» на это так странно среагировал. Ну и конечно, сочинить, чем дело кончится.

Но это еще и упражнение для читателей.

В этом тексте есть две подробности, которые важны для развития сюжета и для понимания характеров.

Вот такие:

1. «Он вошел в эту комнату. Она стояла у окна...» и потом: «Он жил предвкушением того, как они войдут в его пустую квартиру, обнимутся...».

То есть это не ее квартира. Потому что после полугодового отсутствия внезапно войти в чью-то комнату без того, чтоб сначала не войти в квартиру, – невозможно. И потом, если это ее квартира, зачем же ее вести к себе, зачем с утра специально готовить свое жилье к любовному свиданию («повалятся на кровать, которую он утром застелил свежим бельем»)?

Это явно что-то офисное. Но что именно? Куда можно вот так запросто войти и где героиня легко может оказаться одна?

Ординаторская или сестринская в больнице?

Комната сотрудников в библиотеке?

Косметический кабинет в парикмахерской?

Корректорская в издательстве, в редакции газеты?

Ну или что-то в этом роде.

2. Почему «он» говорит с «ней» как-то грубовато, даже просто грубо, хамски, пренебрежительно. Героиня признается ему в любви, счастливо шепчет, что он – самый главный человек в ее жизни, а герой отвечает: «Не говори глупости! Не морочь голову сама себе!»

Что это значит? Наверное, это значит, что между ними – некая социальная пропасть (не «на самом деле», а с точки зрения героя, разумеется). Герой считает ее ниже себя, причем настолько ниже, – что даже ее попытка сказать «я тебя люблю» вызывает его протест. «*А кто ты такая, меня любить?*» Что-то глубоко феодальное. Крестьянка не имеет права любить барина. Она может ему отдаваться вполне искренне, может млеть от наслаждения, может принимать от него подарочки и даже этак трогательно принести ему букетик полевых цветов или вышитый рушник – но *любить?!?!* О нет! Любить его – то есть *претендовать на диалог сердец, на место в его сердце* – может только дворянка. Ну в крайнем случае, купеческая дочь.

Или у него такой ужасный характер? Но – какой именно? Сноб, садист, нарцисс?

* * *

Вот такой неприятный получился герой. Вот такая несчастливая любовь у героини. Или можно что-то исправить? Или все равно ничего не получится?

Об этом и надо писать.

литературная учеба

Найдите восемь различий

Сюжет романа.

Наши дни. В небольшом европейском городе уже два года как начали исчезать дети. Что ни месяц – пропадает ребенок, лет пяти – семи, не старше. Чаще это дети из бедных рабочих семей, но иногда исчезает сын или дочь менеджера, бизнесмена, учителя. Когда пропал ребенок мэра города, сыскные ведомства страны встали на уши – но увы! Ни следов, ни улик, ни подозрений. Впору подумать об инопланетянах.

В этом городе работает уборщиком мусора иммигрант из Африки, робкий и забитый паренек, страдающий мутизмом – то есть лишившийся дара речи после того, как его соплеменники-язычники живьем сожгли на костре его невесту, якобы за связь со злыми лесными духами.

Этот бессловесный и странноватый дворник, вследствие своей психической болезни умеющий соединять случайные черты в единую систему, – выясняет, что преступником-педофагом (то есть пожирателем детей) является сам мэр города, который съедает и собственного сына, поскольку в раннем детстве стал свидетелем того, как его отец, подозревая жену в неверности, убил его пятилетнего младшего брата.

А вот еще один сюжет романа.

Тридцатые годы XX века. На Краснотундринском горнодобывающем комбинате одна за одной происходят серьезные аварии. В чем причина? Суровые условия вечной мерзлоты? Или это диверсия? Замдиректора по режиму, майор НКВД, подозревает всех: инженеров, рабочих и даже секретаря парткома. Пятеро уже арестованы, но аварии продолжают, под угрозой срыва план по добыче редких металлов.

Сюда, на этот завод, приезжает из столицы молодой инженер, выпускник вуза. Он едет в Заполярье после ссоры с родителями, которые забронировали ему теплое местечко в министерстве, и после разлуки с невестой, которая любит комфорт и изменила ему с певцом из оперного театра.

Именно он, молодой ершистый комсомолец, привыкший говорить правду, невзирая на лица, и без стука входить в начальственные кабинеты, – по обрывкам фраз и клочкам документов находит замаскированного вредителя. Им оказывается тот самый майор НКВД, пять раз сменивший фамилию, сын белого генерала, внук камергера, прихвостень врага народа Генриха Ягоды.

* * *

Чем отличаются эти романы один от другого?
Ничем. Холодное конъюнктурное сочинительство.

а дальше – сериал!

Искренность

– Ты ни в чем не виноват. – Она сидела на краешке дивана. – Но я тоже не виновата. Я не виновата, что у нас никогда нет денег. Что мое пальто мне купила мама. Что ты все никак не можешь закончить диссертацию.

– Уже совсем скоро закончу, – сказал он. – Осталось буквально чуть-чуть.

– Верю, – сказала она. – Ну и что? Сколько тебе прибавят? И прибавят ли вообще?

– Должны, – сказал он.

– Господи боже мой, – она сжала кулаки. – Да стань ты хоть трижды профессор! Сколько тебе заплатят? Мы сможем поменять машину? Сделать нормальный ремонт? Поехать отдохнуть, как приличные люди?

– Ну, извини, – сказал он, продолжая лежать. – Значит, я неприличный.

– Не огрызайся, – сказала она. – Я все решила. Я устала. Я имею право. Я хорошо к тебе отношусь. Да, вот что... Я тебе не изменяла, я ненавижу всю эту гадость. Он сделал мне предложение. Мы даже не целовались! Он просто сделал мне предложение, и я ухожу к нему!

– Какой, однако, тонкий кавалер, – сказал он. – Молод, красив, богат?

– Немолод. Обеспечен. Красиво ухаживает. Живет в красивом доме в центре.

– Ты была у него дома? Понятно... Ты была у него дома, и вы там, конечно, даже не целовались! – саркастически произнес он.

– Замолчи! Ты в своем уме? Один раз мы ехали на такси, он меня отвозил домой, и проезжали мимо. Он сказал: «А вот это, кстати, мой дом». Всё!

– На такси домой... Очень галантно!

– Ты мне когда в последний раз цветочек подарил? – она нагнулась к нему, приблизила лицо. – Ты умный. Ты талантливый. Ты когда-нибудь станешь знаменитым и богатым. Обязательно. Лет через двадцать-тридцать. Или через сорок. А я просто красивая. Пока что молодая. Поэтому красивая. Пока еще. Я хочу жить сейчас.

– Ты что несешь? – поморщился он.

– Я хочу ребенка родить, – прошептала она. – Даже двух. Чтоб у них была большая детская. А когда подрастут – две отдельные комнаты. Игрушки, кровати. Чтобы все новенькое, понял? Доктор хороший. Хорошая частная школа. Понял? Ты меня понял?

– Счастливо, – сказал он и отвернулся к стенке.

– Учти, – сказала она, встав с дивана. – Мы остаемся друзьями.

– Ладно, – просипел он, не поворачиваясь.

Стыдные слезы текли по его лицу. Она, слышно было,

возилась в коридоре. Что-то доставала из шкафа. Довольно долго это было. Наверное, она уже успела уложить сумку. Он лежал и смотрел в потолок. Зазвонил его мобильник – в кармане пиджака, который висел на стуле. Он сначала не хотел отвечать, но это был кто-то очень настырный: звонил и звонил. Поэтому он ногой подтащил стул к дивану, извернулся, не вставая, и достал телефон.

– Слушаю, – откашлявшись, сказал он.

– Простите, – вежливо раздалось в трубке. – Это Максим Анатольевич?

– Да.

– Шафранов Максим Анатольевич?

– Да.

– Еще раз простите, вы – муж Насти Шафрановой?

– Да.

– Настя вам объявила, что уходит от вас?

– Да!

– Голубчик, прошу вас, умоляю вас, не отпускайте, удержите ее! В сущности, глупейшая история, – мягко, но при этом горячо и слегка покаянно говорил невидимый собеседник; судя по голосу, человек умный и приятный. – Мне хорошо за пятьдесят, я давно и прочно женат, я не такой уж богатый, в сущности. Это было вроде пари. Глупое, пошлое пари. Я ляпнул, что любая красивая девочка убежит ко мне от любого мужа... Да, и вот что. Самое главное. Заверяю вас, между нами ничего не было! Мы даже не целовались! Кля-

нись вам! Вы мне верите?

Она вошла в комнату.

– Да! – громко ответил он в пятый раз, нажал отбой, перевернулся на спину.

– Кто звонил? – спросила она, войдя в комнату, держа в руках то самое, купленное мамой, пальто.

– Так, – сказал он. – Социологический опрос.

* * *

Как грустно. Безнадежно, безысходно грустно.

Поэтому я подумал: «А что там могло быть дальше?»

А дальше надо устроить сериал!

Ничего не подозревающая Настя быстро складывает чемодан, выходит на улицу, берет такси и звонит своему «женуху» (пусть его зовут Павел Сергеевич). Он не отвечает – но ее это не останавливает. Подъезжает к его дому. Выходит из машины. Снова пытается набрать его номер.

Он стоит на балконе и видит ее. Кричит:

– Постой! Я сейчас спущусь! Вернись в машину, не отпускай такси!

– Кому ты там кричишь с балкона? – спрашивает его жена.

– Это мой старинный сослуживец, несчастный человек, он только что вышел из тюрьмы, он сидел по делу «Ампер-Банка», – на ходу сочиняет Павел Сергеевич. – Хороший мужик, но я не хочу, чтоб он к нам приходил. Я сейчас спущусь,

мы поедем посидим в кафе, и я его устрою куда-нибудь на ночлег. А то надо будет его кормить-поить, он еще напьется, придется его укладывать спать... Да ну! Я буду часа через два.

Спускаясь по лестнице, он звонит своей любовнице и говорит:

– Быстро дуй в квартиру, которую я для тебя снял. Тут приехала моя родственница, дочь троюродной сестры, пусть она там переночует. И скажи, что ты – вдова моего друга детства, ну придумай что-нибудь!

Спускается, садится в машину, они едут на другой конец города, он рассказывает, что у него дома ремонт, и приехала из Душанбе жена брата, с дочерью, очень милые, но очень шумные восточные люди. Бесконечные чаепития, разговоры, рассказы, расспросы... Так что пока Насте придется пожить буквально пару дней у его старой приятельницы, вернее, у вдовы старого приятеля. Уточняет:

– Но, дорогая, она такая жутко благовоспитанная дама, губки бантиком, так что ты ей не говори о наших планах. Давай скажем, что ты моя племянница!

Приезжают. Он звонит. Она уже на месте.

– Я пойду ее предупрежу! – говорит Павел Сергеевич. – Все ей подробно объясню. А ты вот по часам ровно через пятнадцать минут!

Поднимается вверх, эта дама его обнимает и целует, пятнадцати минут им явно не хватило, и тут Настя звонит в до-

мофон. «Еще пять минут!» – говорит Павел Сергеевич.

Наконец дверь открывается.

– Вот, Наташа, познакомься, это Настя, моя племянница! – говорит Павел Сергеевич.

– Стаська?! – изумляется дама.

– Мама!!! – кричит Настя. – Что ты здесь делаешь?

Павел Сергеевич с синяком под глазом возвращается домой.

Его жена Гулнамо Азимовна очень мрачна.

– Что с тобой, Гуля? – спрашивает он.

– Ты сказал, что вышел из тюрьмы твой старый товарищ, который сидел по делу «Ампер-Банка»?

– Ну да.

– Его зовут Григорий? Григорий Семеренко, да? Это он?

– Да, да! – радуется Павел Сергеевич, что его обман удался. – Гришка! Он, он самый! Я его поселил у одного своего приятеля. Жалею, что связался. Хороший мужик, но напился и скандал устроил. Едва его утихомирил. Вот, видишь? – показывает синяк. – Мне даже чуточку влетело. Но ладно. Я его прощаю... Он случайно, спьяну, ничего.

– погоди! – перебивает жена. – Я хочу его видеть! Я должна его увидеть.

– Зачем?

– А затем, что... Прости, Паша, нам уже немало лет. Мне уже все равно. Но дети должны знать правду.

– Какую правду? Какие дети?

– Гриша Семеренко – отец твоей дочери!

и еще один сериал

Наследник всех своих родных

В провинциальном дачном поселке проводят летние каникулы две сестры, Таня (18 лет) и Оля (16). Они дружат со студентом-химиком Володей (20 лет). Тот приводит в гости своего приятеля Женю (24 года), который поселился рядом. Женя не работает и живет на деньги от сдачи в аренду дачных домов и городских квартир, которые получал в наследство от своих поочередно умиравших бабушек, дядюшек и тетушек.

Таня влюбляется в Женю, пишет ему в ватсапе, посылает свои фото, вызывает на свидание – но он резко отказывается от всякой романтики.

На дне рождения Тани происходит внезапная ссора Володи и Жени. Они выходят, чтобы поговорить по-мужски. Скоро Женя возвращается и заявляет, что Володя убежал от него и куда-то пропал.

Наутро сам Женя уезжает из поселка.

Через несколько дней Таня и Оля находят в лесу труп Володи; следствие пришло к выводу, что это была внезапная остановка сердца.

После смерти родителей городскую квартиру и дачный домик у сестер отбирают ловкие родственники. Оля поступает в полицейское училище, а Таня устраивается домработницей

к людям, которые купили дом у Жени.

Делая уборку на чердаке, Таня неожиданно раскрывает тайну гибели Володи и загадку неожиданных смертей Жениных родственников, но никому об этом не говорит.

В доме хозяев Таня знакомится с их гостем, крупным столичным чиновником, который сначала хочет просто переспать с красивой домработницей, но потом, очарованный ее умом и достойным поведением, делает ей предложение.

Таня уезжает с мужем в столицу и становится яркой звездой на светском небосклоне.

В поселке вдруг появляется Женя и просит у новых хозяев дома разрешения зайти на чердак. Он обнаруживает, что его тайник вскрыт, а конверт с документами и шкатулка с ядами – исчезли. Хозяева говорят ему, что на чердак никто не заходил, кроме домработницы...

Женя немедленно едет в столицу, чтобы разыскать Таню. Чем всё закончится?

Сумеет ли Женя ликвидировать свидетельницу своих преступлений?

Спасет ли Таню ее сестра Оля, которая уже стала капитаном полиции?

Кто помогал Жене «получать наследство»? Советник губернатора Флянов или местный олигарх Пустяков?

Обо всем этом – в следующем сезоне!

английский роман

Плен, свобода и любовь

Айлин никогда не любила Сандерса Доулби, но приняла его предложение от тоски, безысходности и родительских упреков. Она влачила свои дни как пленница нелюбимого человека, с которым, впрочем, уже пять лет не делила ложа, но была вынуждена жить в одном доме – пускай и в отдельном крыле.

Это была ужасная, унылая и скучная жизнь женщины, которая полностью зависит от своего мужа.

Каждое утро Айлин вставала в семь утра, принимала холодную ванну, завтракала кусочком сыра на горячем тосте, выпивала полчашки чаю, потом шла одеваться. Долго укладывала свои пышные пепельные волосы, смотрела в зеркало на свое чуть худощавое лицо, заглядывала сама себе в глубокие темные, словно бы искрящиеся глаза, легко вздыхала, потом слегка подкрашивала щеки, шнуровала корсаж, натягивала чулки, надевала платье и туфельки, пудрилась, накидывала пелерину, затягивала ленты шляпы и выходила на прогулку в Кенсуорт-Гарден. Там она заходила во французское кафе, пила горячий шоколад с легким пирожным, к двум часам возвращалась, ела фрукты и усаживалась на диван с книгой. Вечер наступал незаметно. Она обедала в

одинокости, потом либо оставалась дома читать и думать о своей судьбе, либо же – редко, раз в неделю – отправлялась в театр в сопровождении старика Джозефа, своего двоюродного дяди.

Это было мучительно! Но она не могла уйти от мужа, потому что у нее совершенно не было средств к существованию.

Так бы и продолжалось всю жизнь – но тут случились два события. Сандерс вдруг объявил ей о разводе и отказался платить хоть какое-то содержание. Но зато отец Айлин внезапно получил наследство и выделил ей небольшую, но достаточную сумму, чтоб она могла снимать себе квартиру и обеспечивать свои каждодневные нужды.

О, как она была счастлива. Это была совсем другая – веселая, бодрая, интересная жизнь молодой самостоятельной женщины!

Каждое утро Айлин вставала в семь утра, принимала холодную ванну, завтракала кусочком сыра на горячем тосте, выпивала полчашки чаю, потом шла одеваться. Долго укладывала свои пышные пепельные волосы, смотрела в зеркало на свое чуть худощавое лицо, заглядывала сама себе в глубокие темные, словно бы искрящиеся глаза, легко вздыхала, потом слегка подкрашивала щеки, шнуровала корсаж, натягивала чулки, надевала платье и туфельки, пудрилась,

накидывала пелерину, затягивала ленты шляпы и выходила на прогулку в Кенсуорт-Гарден. Там она заходила во французское кафе, пила горячий шоколад с легким пирожным, к двум часам возвращалась, ела фрукты и усаживалась на диван с книгой. Вечер наступал незаметно. Она обедала в одиночестве, потом либо оставалась дома читать и думать о своей судьбе, либо же – редко, раз в неделю – отправлялась в театр в сопровождении старика Джозефа, своего двоюродного дяди.

Как это было прекрасно – ежеминутно ощущать свою независимость и свободу!

Однажды, в театральном антракте, к ее дяде Джозефу подошел, поклонившись, сравнительно молодой, но уже слегка седеющий господин, стройный, широкоплечий и большеглазый, с кожей цвета сливок перед тем, как их нальют в чашку с чаем. Дядя представил его племяннице. Это был мистер Фернборо, главный инженер и совладелец фабрики Роулинсона. Они с Айлин обменялись несколькими фразами, и Айлин, вечером вернувшись из театра домой, вдруг почувствовала, что этот человек мог бы стать ее любовью и судьбой.

Все переменилось в ее жизни.

Каждое утро Айлин вставала в семь утра, принимала холодную ванну, завтракала кусочком сыра на горячем тосте, выпивала полчашки чаю, потом шла одеваться. Долго укла-

дывала свои пышные пепельные волосы, смотрела в зеркало на свое чуть худощавое лицо, заглядывала сама себе в глубокие темные, словно бы искрящиеся глаза, легко вздыхала, потом слегка подкрашивала щеки, шнуровала корсаж, натягивала чулки, надевала платье и туфельки, пудрилась, накидывала пелерину, затягивала ленты шляпы и выходила на прогулку в Кенсуорт-Гарден. Там она заходила во французское кафе, пила горячий шоколад с легким пирожным, к двум часам возвращалась, ела фрукты и усаживалась на диван с книгой. Вечер наступал незаметно. Она обедала в одиночестве, потом либо оставалась дома читать и думать о своей судьбе, либо же – редко, раз в неделю – отправлялась в театр в сопровождении старика Джозефа, своего двоюродного дяди.

Но теперь она каждую минуту вспоминала мистера Фернборо, и жизнь ее была освещена предчувствием счастья.

старинная французская новелла

Контролер

Граф Нуарбель, полгода назад назначенный контролером финансов, попросил личной аудиенции у короля, ибо результаты его проверок были ужасающими. Банкиры завышали процент, но занижали прибыль. Налоги собирались дурно. Изрядная часть откупных платежей тихомолком переправлялась в итальянские банки. Золотая монета уходила из оборота, заменяясь порченным серебром. Цены на хлеб росли, росло и брожение в народе. Но главное – армия. Командование требовало все больше и больше денег на новые пушки, мушкеты, обмундирование, лошадей, фураж, пропитание для солдат – но деньги эти разворовывались наполовину, а то и на две трети.

Нуарбеля долго вели по лестницам и коридорам, где сновали какие-то офицеры, толстые мужчины с подносами и чашами – очевидно, повара; встречались и молодые дамы в пышных нарядах, спокойно беседующие с мушкетерами-стражниками. Нуарбель шел за своим провожатым, особенно не озираясь, держа в руке свернутый в трубку лист и повторяя слова, которые он скажет Его Величеству.

Наконец у него отняли шпагу и ввели в малый кабинет – просто обставленную комнату с узким окном. Король сидел, разбирая бумаги, за небольшим столом, спиной к рас-

пахнутой двери, которая вела, очевидно, в опочивальню – виднелся край кровати, ее резное изножье. Нуарбель раскланялся, прикоснувшись пальцами к паркету. Король протянул руку за докладом. Нуарбель, еще раз поклонившись, вложил в пальцы Его Величества лист, исписанный крупным и четким почерком. Хотел было что-то сказать, но король жестом остановил его и принялся читать.

Нуарбель чуть покосился направо. Между дверью и окном на высоком табурете сидел широкоплечий мужчина в холщовой рубахе и простецких штанах. Рубаха была перетянута широким ремнем, за ремень был заткнут большой кинжал без ножен. Очевидно, это был личный телохранитель короля. Он вполне доброжелательно кивнул Нуарбелю, и тот принялся рассматривать Его Величество.

Он во второй раз видел короля так близко – в пяти или даже четырех футах. Первый раз это было при назначении на пост контролера, во время большого приема: король вручил ему ордонанс, милостиво кивнул и прошествовал далее. Тогда король был во всем великолепии парадного наряда, в горностаевой мантии и синей орденской ленте. Сейчас Его Величество был в старом заношенном кафтане, – «в любимом, уютном?» – подумал Нуарбель. Под кафтаном виднелась измятая полотняная сорочка, пожелтевшая на вороте. От короля пахло мускатным орехом и застарелым потом – Нуарбель учуял это, поскольку сегодня утром был у цирюльника и тот искупал его в медной ванне.

Король внимательно читал доклад, хмурясь и морщась.

Нуарбель понимал, что тревожит короля. Королю нужны деньги на войну с Баварией. Увеличить налоги опасно, народ на пределе терпения. Отнимать деньги у аристократии и получить новую Фронду? Согласно докладу, надо было срочно отдавать под суд маршала, генерал-интенданта и еще двенадцать высших командиров. Но кто тогда будет воевать?

Трудно быть королем, однако.

Нуарбель вдруг почувствовал, что его мысли идут совсем в другом направлении, что он думает не о финансах, политике и войне, а о королевском носе. Нос у короля был бугристый и пористый, с некрасивым уступом посередине. Из ноздрей росли черные волоски. Щеки короля были изрыты морщинами, ямками, следами выдавленных прыщей. Король был едва умыт. Около ушей виднелись белесые катышки вчерашней пудры. Парик тоже был непарадный, сальный, съехавший чуть набок. На висках короля щетиной торчали отросшие после бритья короткие седые волосы. Руки его подрагивали.

«Удивительное дело! – подумал Нуарбель, но тут же спросил сам себя: – А что тут удивительного? Король немолод, король устал от своих трудов...» То есть тут же ответил себе на свой вопрос. Удивительно другое. Этот старый, немощный, дурно пахнущий человек может прямо сейчас обладать любой женщиной Франции. Какую он только ни пожелает – она отдастся ему с восторгом и страстью, без сомнений и ко-

лебаний, не себя принося в дар, а словно бы получая от короля неслыханное благодеяние.

Ревнивые мысли охватили Нуарбеля. Королю скоро шестьдесят, он сед, некрасив, наверное, слаб в постели – но ему все сокровища любви даются даром. А Нуарбелю всего двадцать восемь, он изящен, силен, у него молодая упругая кожа без этих рытвин и пор – а вот поди ж ты! У него, кроме унылой костлявой жены, в жизни были всего две крестьянки, которых ему перед свадьбой привел лесничий по приказанию старшего брата. Вот и вся его любовная биография. Как скучно, какая тоска, и это посреди Парижа, о котором все говорят как о столице изящного распутства, галантного флирта, тайных наслаждений? Ну и где это всё?

«Но почему мне вдруг пришли в голову эти странные мысли?» – изумился Нуарбель, огляделся и вдруг всё понял.

За спиной у короля, на пороге королевской спальни, на штучном паркете лежала женская подвязка. Шелковая, обшитая кружевами, с двумя позолоченными застежками – для чулка и для пояса.

Очевидно, он заметил ее краем глаза, и она, как фитиль на бомбе, вызвала взрыв этаких мыслей у него в голове.

Ого! С ума сойти! Может быть, потерявшая подвязку красавица сейчас прячется под королевским одеялом, буквально в десяти шагах от кабинета, где решаются вопросы финансирования военной кампании и судьбы некоторых высокородных казнокрадов?

Телохранитель поймал взгляд Нуарбеля и едва заметно подмигнул ему, скосив глаза на короля.

Нуарбель подмигнул еще скромнее. То есть просто опустил глаза и слегка улыбнулся той улыбкой, которая может сойти за светскую вежливость.

– Да, да, – сказал король, кладя ладонь на доклад Нуарбеля. – Каков же ваш вывод и совет, мой друг?

– Сир! – поклонившись, сказал Нуарбель. – Маршал и генерал-интендант грабят вас, армию и Францию. Кроме того, у меня есть документы, доказывающие причастность высших командиров...

– Погодите, мой друг! – мягко прервал его король. – Я полагаю, что арестовать маршала и разжаловать генерал-интенданта будет *satis superque*. Пример и урок для полковников и капитанов. Поглядим, как они этот урок воспримут. Далее. Отнять владение у графа Виллиен-Дезоле и перевести его в казну, это был бы сильный ход короля, как вам думается?

– О, сир! – вновь поклонился Нуарбель. – Сильнейший ход!

– Об остальном, в том числе об откупах и проценте, я, с вашего позволения, поразмыслю в тишине, – усмехнулся король и кивнул головой.

Нуарбель еще раз согнулся в поклоне и вышел пятясь.

Двери в малый королевский кабинет закрылись.

В фойе телохранитель отдал ему шпагу и сказал:

– А ты, братец, глядел на ту подвязку, ну прямо как кот на

мышь! – потер руки и засмеялся. – Скучаешь без баб, поди?

Нуарбель коротко хохотнул в ответ, весь под впечатлением удачного доклада и даже в предвкушении особого королевского благоволения и, значит, новых карьерных взлетов – ведь Его Величество согласился с докладом и решил по докладу принять крутые меры – ах, бедный граф Виллиен-Дезоле! Бедный маршал! – но через мгновение он вспомнил, что нельзя допускать такого панибратства со стороны пусть королевского, но все же телохранителя.

– Месье! – сказал он. – Ценю ваше расположение, уважаю вас, однако я вам все же не братец. Я граф Нуарбель, я, некоторым образом, «ваше сиятельство».

– Не задирай нос, братец! – и телохранитель совсем уже нагло похлопал его по плечу. – Ты граф Нуарбель, тоже ценю и уважаю! А я – герцог де ла Круа де Жерузале, герб и корону моему предку дал король Бодуэн этак полтыщи лет назад. Съел?

– Простите, ваша светлость, – поджал губы Нуарбель.

– Пустое, пустое, граф! – и телохранитель нагнул к нему; он был громадного роста; нагнул и зашептал: – Ну что, кот, пойдешь по мышам? Тут много разных красоток хвостиками виляет...

* * *

Граф Нуарбель познакомился с двумя милыми сестра-

ми-баронессами, завел с младшей быстрый роман, и она познакомила его с графиней Дианой дю Серрей – не слишком молодой, полноватой, чуть приземистой, но неизъяснимо очаровательной.

Диана уступила мольбам Нуарбеля и назначила ему свидание в одном из переходов дворца, он был очень настойчив, и она пала... Там за поворотом была пустая комната.

Наутро стражники застали их в постели. Нуарбель не знал, что Диана – одна из фавориток короля.

Король был добр. Он простил Диану, отправив ее в монастырь всего на пять лет. Он даже назначил пенсию вдове казненного графа Нуарбеля, бывшего контролера финансов. Разумеется, его доклад король собственноручно порвал на мелкие кусочки.

Через два месяца новый контролер, молодой маркиз де Луази, пришел к королю с еще более ужасными результатами проверок.

Телохраниитель положил на паркет шелковый дамский чулок.

откуда что берется Перекличка

«Несмотря на то, что Пульхерии Александровне было уже сорок три года, лицо ее все еще сохраняло в себе остатки прежней красоты...» (Достоевский, «Преступление и наказание»). Возможно, эти «остатки красоты» Достоевский позаимствовал у Дюма (или, скорее, у его старинного переводчика Владимира Строева).

«Жена его, звавшаяся в девицах Мадлена Радель, была женщина бледная, худая и хвора, она родилась в окрестностях Арля и сохранила следы былой красоты...» (Дюма, «Граф Монте-Кристо»). Кстати, «ему» то есть ее мужу Гаспару Кадруссу, было 45 лет; полагаю, что жена была чуть моложе. То есть и возраст совпадает.

Роман Дюма появился на русском в середине 1840-х, то есть за 20 лет до «Преступления и наказания».

Однако литературовед Ирина Лукьянова сказала мне, что эти «следы былой красоты» встречались в русской литературе и до перевода Дюма, сделанного Строевым. Например: «Княгиня Радугина была некогда хороша собою; но беспрестанные праздники, балы, ночи, проведенные без сна, – словом, все, что сокращает век наших модных дам, не оставило на лице ее и признаков прежней красоты» (М.Н.Загоскин, «Рославлев...», 1830). И даже ранее: «Семейство его состоит

из жены, дородной женщины, на лице которой заметны еще остатки прежней красоты». «Сказывали, что смолоду он был красавец: может быть; но теперь, кроме живых, умных глаз, других остатков прежней красоты незаметно» (С.П.Жихарев, «Записки современника», 1806–1809).

Однако я нашел совсем старые «следы былой красоты» в журнале “*La Décade philosophique, littéraire et politique*”, который издавался в Париже с 29.04.1794 по 21.10.1807. В выпуске 21 (1799), стр. 107, описывается портрет Лютера и его жены кисти Гольбейна: “*Sa femme est plus âgée; elle a passé cinquante ans, de profondes rides creusent son visage, on y découvre quelques traces d’une beauté passée*” (Его жена старше; ей уже пятьдесят лет, ее лицо бороздят глубокие морщины, но можно увидеть некоторые следы былой красоты).

Это же выражение “*traces de sa beauté passée*” мы видим еще раньше – в мемуарах писательницы Франсуазы де Моттевиль (1649). Во как!

Так что это очень старинный французско-русский штамп. Во французском переводе Овидия (Метаморф, книга первая, строка 552) написано: “*il ne reste plus d’elle-même que l’éclat de sa beauté passée*” (ничего не осталось от нее, кроме блеска былой красоты) – указал мой корреспондент Илья Трошин. Но в данном случае это своеволие переводчика: в латинском подлиннике “*remanet nitor unus in illa*” (остается в ней только блеск). Так что античных корней не найдено. Пока не найдено.

«Со следами былой красоты», «остатки прежней роскоши» и прочий «предрассветный холодок» и «туман над полем (морем)»... Иногда кажется, что литература – это легко.

Со страхом думаю, на сколько процентов она состоит из штампов, устойчивых фразеологизмов, постоянных эпитетов, персонажей-масок, привычных фабульных ходов и затверженных интонаций.

На 80 % самое малое.

бессмертие гения

Темное дыхание, легкие аллеи

Моя знакомая Евгения Шафферт из Новосибирска, кандидат филологических наук и книжная обозревательница, недавно получила второе (среднее специальное медицинское) образование и стала работать медсестрой.

Она рассказала, как случайно услышала разговор врачей. Речь шла о сложных ситуациях в коллективе, о нередких случаях, когда рабочие отношения вдруг осложняются любовными связями – от легкого флирта до серьезных романов или драматических адюльтеров.

Женщина-хирург сказала коллеге:

– Да, да! Увы, увы! Тут ничего не поделаешь. Как говорил Бунин, у красивой женщины не бывает просто друзей – у нее есть либо поклонники, либо любовники, либо же отвергнутые воздыхатели. А часто – и те, и другие, и третьи!

Медсестра-филолог обрадовалась, улыбнулась и сказала:

– Как хорошо!

– Чего ж хорошего? – грубовато отреагировала та.

– Приятно, что вы вспоминаете Бунина.

– Да как же его не помнить! Бунин Семен Филиппович наше отделение создал и тридцать лет руководил!

а если это любовь?

Двое

Крик за окном: хриплый, злобный и требовательный; обнаглевший мужик так орет, бывает, на свою бабу.

Смотрю из окна. Так и есть. На скамейке сидит парочка: откормленный парень лет сорока и девушка – худенькая, помоложе. Между ними – раскрытый рюкзак, из которого она торопливо достает бутылку и пластиковые стаканчики. Он погоняет ее криком: «Сука!», произнося вот так: «Сэка!» Она дрожащими руками наливает ему и себе. Он выпивает, отхаркивается и кричит: «Сссэээка!! тля! нах... ну, ссэка!» Она наливает еще стакан, уже только ему, он пьет, она протягивает ему закусить, что-то в салфетке, он бьет ее по руке – «Идинаххх, сэка!» – и кидает стакан наземь.

Она прячет бутылку и не съеденный бутерброд назад в рюкзак, нагибается – она очень худая и стройная, маленького роста, – вежливо подбирает стакан, кладет его в урну. Потом надевает рюкзак. Помогает своему повелителю встать со скамейки.

Они уходят. Он харкает, плюется, шатается и кричит «ссэка нах!!!» Она держит его под руку.

Сейчас мне скажут: а вдруг это *любовь*?

А я разве спорю? Любовь, мои дорогие, любовь...

наши вашим не пляшут

Двоюродная жизнь

Когда у Гали умер муж, она испугалась пустоты жизни, тем более что их сын насмерть разбился на машине за полтора года до этого. Галя никого не хотела видеть. Она часами ходила по дому, то останавливаясь у книжных шкафов, то присаживаясь в кресло на втором этаже, где была комната сына, то ничком бросаясь на диван в кабинете мужа. Потом переворачивалась на спину и долго лежала так. «Галина Евгеньевна! – тихо раздавался за дверью голос домработницы. – Галина Евгеньевна, чаю или кофе?» Галя садилась, стискивала голову руками. Потом отвечала, что ничего не надо, что она сама скажет, когда захочет. Ложилась снова и думала, вспоминала.

И вот вспомнила, что у мамы была сестра по отцу, неудачная Таня, так звала ее мама: институт не окончила, потому что родила девочку непонятно от кого, маялась в бараке на окраине Воронежа, приехала в Москву по лимиту, работала десять лет на стройке и выцарапала у этой жизни однушку в Люберцах.

То есть Таня – это ее тетя. А Танина дочь – ее двоюродная сестра.

Галя их нашла.

Сестру звали Света. Она была ровесница Гали – те же сорок два. Она пошла по стопам своей мамы: бросила техникум, потому что родила от любимого мужчины. Который растворился в тумане, даже не принеся цветочков в роддом. Работала в ателье ремонта и подгонки. А дочку ее Машу – то есть племянницу Гали – выгнали из торгового колледжа за двойки и прогулы, но она не горевала и собиралась сниматься в сериалах в роли молодой жены миллионера.

Поэтому ей сначала очень понравилась богатая тетя с трехэтажной дачей и пакетом акций «Лыбытнорской Меди».

Но быстро разонравилась. Потому что тетя заставляла читать книжки, правильно краситься, делать достойный маникюр и готовиться в институт. Тетя звонила в половине восьмого утра: «Ты уже сделала зарядку?» Они все на Рублевке такие дуры? Или это у нее от недотраха?

Один раз, когда Галя приехала к ним в Люберцы с подарками и разговорами, она ей так прямо и крикнула в лицо: «Найди себе мужика, забери свои айфоны, только отстань, отлипни!»

Крикнула и убежала.

А Галя осталась ждать Свету.

– Спасибо тебе, конечно, – перебила ее Света, когда Галя в который раз стала терпеливо объяснять, что девочке пора браться за ум. – Спасибо за подарки, и вообще. Но только не получится ничего.

– Но почему?

– Мы по-своему живем. По-нашему. По-твоему уже не научимся. Поздно ты схватилась.

– Я разве виновата? – вспыхнула Галя.

– Что ты, что ты, – примирительно сказала Света. – Все нормально. Ты только не приходи к нам больше. И не звони.

– Но ты мне пообещай, – сказала Галя. – Если вдруг что-то срочное. Если вдруг совсем трудно будет, если что-то случится, не дай бог, конечно... Ты обязательно дай знать. Я обязательно помогу.

– Не дожدهшься, – сказала Света.

завтра – это позавчера, о котором забыли сегодня Яхта из чистого золота

– Как место называется? – спросил Кирилл.

– Капитанская, – сказал шофер.

– Деревня?

– Хрен теперь разберет. Поселок, по карте. Был когда-то поселок. Городского типа. Но вообще да, деревня реально.

– Вот ведь название какое! – засмеялся Кирилл. – Деревня, а Капитанская.

Мужик, сидевший впереди, стал объяснять Кириллу, а заодно шоферу и охраннику – охранник сидел сзади, пристегнувшись к Кириллу наручниками, – что когда-то, чуть ли не в восемнадцатом веке, весь этот огромный кусок земли, с лесами, полями и озерами, принадлежал отставному адмиралу Мордвинову: царский подарок. Адмирал переназвал все деревни по своему военно-морскому вкусу: Шкиперская, Маячная, Гардемаринская и так далее. Смешно, конечно. Но люди привыкли. Деревня Капитанская выросла в село, потом даже в городок. А теперь всё обратно.

Он рассказывал обстоятельно, сверяясь с затрепанной книгой, которую вытащил из портфеля. Краевед-любитель, наверное. Провинциальный интеллигент.

Старый джип, в котором они ехали, остановился у столба; на столбе торчал жестяной прямоугольник с надписью: «Капитанская». Жесть заржавела, буквы облезли, но прочитать можно.

– Отстегни его, пускай вылезит, – вдруг сменив тон с умного на грубый, сказал главный мужик. Охранник отщелкнул наручник с запястья Кирилла. – Вылазь, говорю! Приехали!

Кирилл вышел, огляделся. Кругом были пустые поля, поросшие кустами. Две девки в коротких сарафанах тащили на веревке козу. Невдалеке под тусклым солнцем сверкало мелкое озеро, заросшее камышом. На берегу стояла какая-то хрень, похожая на здоровенную цистерну, с толстой трубой, которая ныряла в воду.

– Это что? – неизвестно зачем спросил Кирилл.

– Илосос, – сказал охранник. – Уже лет семь не работает. А то брали ил на удобрение. Сапропель, блин! – Ему почему-то было весело. – И еще футляры для гаджетов шили. Кожаные. Качество люкс. Типа фабрика. Теперь всё!

– Откуда знаешь? – нахмурился главный мужик.

– Да я сам отсюда!

– А не звездишь? – спросил главный, подмигнув. – Забожись!

– Сука буду! – заржал шофер. – Век воли не видать!

– Простите, – повернулся к нему Кирилл. – Если вы отсюда, может быть, у вас здесь остались друзья, знакомые? К

кому бы я мог обратиться?

– Шел бы ты лесом! – с неожиданной злобой сказал шофер. – Вон туда!

Вбок от дорожного указателя вела глинистая тропинка.

– Тут с полверсты, – подтолкнул Кирилла главный. – Давай, не телепайся! – он кинул Кириллу тощий рюкзачок. – Резвей ползи! – вдруг заорал он. – Пристрелю! Не ссы, шучу, шучу.

Громко плюнул Кириллу вслед. Кирилл не обернулся; услышал, как захлопнулись дверцы, джип развернулся и уехал.

Он подождал полминуты. Расстегнул рюкзак, посмотрел, что там. Две пачки галет, пакет леденцов. Аптечка: бинт, йод, сода, аспирин. Кружка, миска, ложка. Смена белья. Рубашка, куртка и брюки. Галоши. Папка с документами: паспорт, свидетельство о прививках и – самое главное – приговор суда. Безнадежные буквы – «СЖ». Отныне ему предписано жить скромной жизнью. «СЖ» – это было хуже, чем «ТЖ», трудовая жизнь, когда можно официально работать, платить налог, отчислять на пенсию. Получать не выше среднего по стране. Но хоть так. А «СЖ» – поденщина или огород.

Такое наказание придумала Новая Честная Власть, когда свергли Антинародный режим. Если на ком была кровь борцов с режимом – тех вешали. На ком крови не было, но было преступление по старому закону – в лагерь. А остальных, ко-

торые без преступлений, но чуждый элемент, – полная конфискация всего имущества и навечно в бедную жизнь. Жить в маленьком городке, работать за скудную зарплату, или вообще – Христовым именем. Попировали за счет народа – получите сдачу.

Кирилл Рассадин был сыном богача и внуком богача. Дед и отец строили речные порты и пристани. Кирилла готовили к тому же, но он не успел закончить даже второй семестр в Высшей школе управления. Мартовским утром народу сообщили, что группа офицеров, приверженных идеалам демократии, свергла Антинародный режим и установила Новую Честную Власть. Через год это уже был праздничный день с флагами – но Кирилл праздника не увидел, потому что был в тюрьме. Праздник отметили музыкой из всех дырок и куском вареной колбасы к каше. Кирилл колбасу есть не стал, отдал соседу. У всех в камере сделался понос, а Кириллу сделали темную – как будто он знал про тухляк в колбасе.

* * *

Идти было недолго. Сельская управа была в низком бревенчатом доме.

Трое мужиков играли карты. На столе был импортный коньяк и коробка конфет. На диванчике у стены спала баба в ночной рубашке, но в грязных сапогах. Над ней висел портрет бесцветного господинчика с триколором в петлице.

– И чего? – спросил Кирилл мужик, сгребая в кучу затрепанные карты.

Кирилл увидел, что у него в ногах автомат. У других – тоже. Лица у всех были худые, тонкие и задумчивые. Кроме спящей бабы – она фыркала и морщилась во сне, но прихихикивала. Видать, ей снилось что-то неприличное.

– Прибыл по законному решению суда, – Кирилл протянул бумаги. – У меня «скромная жизнь».

– Непруха тебе, орел! – сказал тот, но бумаги не взял. – Вали, куда сам знаешь. В пределах сельского поселения Капитанская.

– Как это? А вы меня не должны... – он хотел сказать: «устроить на жилье», но мужик – видать, местный начальник – перебил:

– Ничего мы не должны. Разъясняю. Что твоя СЖ значит для тебя? Устраивайся как можешь. Но без права покидать назначенное место. Что твоя СЖ значит для меня? Что я не могу тебя пристрелить. Если ты не бузишь, конечно. Всё. Наши отношения выяснены. Давай, не задерживай. Вам сдавать, Николай Евгеньевич! – обратился он к своему картежному партнеру.

Кирилл увидел, что на стене висит календарь, взгляделся в него и обомлел. Две тысячи ноль сорок пятый год. Значит, ему двадцать три года. Значит, он просидел в тюрьме не год, не два, а целых четыре. Они в камере царапали полоски на стенах, охранник их закрашивал. Когда объявили решение,

ему не сказали, который сейчас год. Объяснили, что да как. Посадили в поезд. Потом в старый джип. Здравствуй, пожизненная «скромная жизнь».

Как давно! И как быстро все изменилось снаружи.

Он два дня осторожно бродил по поселку. Ночевал в стогрешей фабрике – натаскал туда еловых веток. Ел галеты по чуть-чуть. Людей на улицах почти не было, а которые были – пробегали мимо, так что и не спросишь ничего. Из уличных громкоговорителей доносились новости и музыка. Из новостей – события в Сенегале и Кампучии. Из музыки – сюита из балета Стравинского «Петрушка».

* * *

На третий день Кирилл набрел на костер. Вокруг сидели молодые ребята и девчонки. Подошел. Долго стоял. Потом присел на бревно рядом с одним. Вытащил из рюкзака последние галеты.

– Ух ты! – усмехнулся парень. – Столица? Сам тоже столичный?

– Ага. По закону, – сказал Кирилл. – СЖ.

– У нас два сэжешника было в прошлом году. Один вроде утопился, – парень показал на озеро, блестящее сквозь деревья. – А другой ломанулся на выход. Прошагал две версты, а тут дрончик прилетел, и его чпок! Зовут тебя как?

– Кирилл! – он протянул руку.

– Давид! – сказал парень.

Да, да, конечно. Последний приступ почвенности, лет десять-двадцать тому назад. В тюрьме ему рассказали. Мода на библейские имена. Саул, Соломон, Моисей, Мельхиседек.

Перезнакомились. Кстати, Мельхиседек в этой компании тоже был. Но совсем маленький, лет восемь, как будто первоклассник.

– В школу ходишь? – спросил Кирилл и дал ему леденец.

Он как будто не понял. Зато Кирилл всё понял.

Помолчали. Потом какой-то парень – Саул, кажется – спросил:

– А вдруг ты нам девок будешь портить?

– Не буду. Я бы, может, и рад, – он криво улыбнулся, – да нечем. Нет у меня ничего. Мне всё отбили.

Хотел сказать «полицаи» или «новые честные», но испугался. Не знал, за кого эти ребята. Поэтому сказал просто – «в тюрьме».

– Покажи! – потребовал Саул.

У Кирилла уже не было сил стыдиться или отстаивать какое-то там поганое достоинство личности. Он расстегнул и спустил брюки и трусы. Показал.

– Да, кислое дело, – сказал Давид.

Парни вздохнули. Восемилетний Мельхиседек оттянул себе резинку на штанах и проверил, все ли у него там на месте. Кирилл улыбнулся: ведь правда смешно!

– А можно пальцами! – вдруг хихикнула какая-то девчон-

ка.

Саул обернулся и звонко хлопнул ее по роже.

– Не налей, манда! – прикрикнул он. – Человек правду сказал, а ты наглеешь!

Девчонка не обиделась, вот что интересно. Сплюнула, высморгалась, подошла поближе и стала рассматривать Кирилла. У нее были маленькие серые глаза и чуть искривленный нос. Наверное, когда-то ей врезали как следует.

Кирилл понял, что он теперь «человек». Стало легче.

– У меня книжки все поотбирали – сказал он. – Верите, ребята, я последний раз книжку читал года четыре назад. Изголодался, правда. У вас есть? Здесь вообще, типа, библиотека есть?

– Нету, – Саул помотал головой. – Бумажная книга – это старо. Несовременно. Все в интернете, все в Сети. Книжки народ на растопку пустил. А потом интернет вырубил. Два года как. Так что с книжками тью-тью.

Давид оглядел ребят. Наверное, он был тут за старшего.

– Куда ж тебя поселить? – вслух задумался он.

– Ко мне! – сказала та самая девчонка и протянула Кириллу руку. – Будем знакомы. Горя! Полное имя Агарь!

* * *

Недели через две Кирилл примерно понял, как живут в Капитанской. Есть Центр, где управа. Управцам доставля-

ют городскую еду и выпивку. Есть Лесная часть, Луговая часть и Береговая часть. Там огороды, козы, овцы. Магазина нет, больницы нет. Доктор есть, старик. Учителей нет. Люди разбегаются. Иногда возвращаются, говорят, что в уезде еще хуже. Две трети домов – брошенные. Остатние люди помаленьку таскают оттуда вещи; вскрывают полы и потолки, иногда находят что-то нужное. Штуку ситца, например. Овчину. Или старинные монеты. Есть базар, там меняют еду на еду. Например, козленка на полтора пуда репы. Мясо заворачивают в фольгу – на бывшей футлярной фабрике остались немереные рулоны. Хлеба нет. Когда-то возили, теперь перестали. Едят картошку, репу, свеклу, кабачки. Ну и козлятину-баранину. Живут, в общем. Но почему-то не рожают. Самый младший в поселке – мальчик Мельхиседек, ему восемь, он еще при анерешках родился. Анерешки и энчевешки – так называли в Капитанской старую и нынешнюю власть: «Антинародный Режим» и «Новая-Честная». Говорили о них, как о насекомых – вредных, мелких, но неодолимых. Вроде клещей или ос: презирали, но побаивались. Так вот, энчевешки раздают какие-то особые конфеты, и все в порядке – у девок ничего не зацепится, да и парням как-то неохота.

Гаря жила в Береговой части, сто шагов до воды. Большая изба – комната, печь, два топчана. В соседней комнате – козы. Один раз Кирилл – как бы мимоходом – спросил, где ее папа с мамой. «Видать, там же, где твои», – бросила она че-

рез плечо. Они косили траву для коз на Вонючке.

«Вонючка плохое место, – объясняла Гаря. – Там закопали всех из старой управы и начальство с фабрики, и вообще всех центровых. Вместе с семьями. Чтоб потом не отомстили. Человек пятьсот, почти половина поселка. Там была такая лощинка. Туда их сложили. Остальным велели возить землю тачками. Но все равно слой был тонкий, не больше метра. Воняло сильно. Два года прямо бэ! Потом полегче. Зато трава хорошо растет. Народ стесняется ходить. А мне что делать? Мою деляну отжали».

Накосили, устали, попили кипятку с сушеными яблоками, брякнулись спать по своим лежанкам. Вдруг Гаря попросила: – А расскажи про Москву.

Кирилл заговорил как будто первый раз за эти годы. Лег на спину, заложил руки за затылок, подивился, что ему сено больше не колет шею – а ведь как он мучился первые дни! Скотина человек! Ко всему привыкает! – и, глядя в черный потолок, стал подробно и красиво описывать их прошлое житье. Квартира в тихом зеленом переулке. Дача в старом лесу. Кошки и собаки. Садовник и горничная, повар и уборщица. Вилла в Испании. Домик в Италии. Про Италию рассказывал долго и любовно. Флоренция, Венеция и особенно Рим. Площадь Навона с мраморными фонтанами, купол Святого Петра... Но Москва лучше всех, нигде в мире нет такой мощной красоты центральных улиц, таких ресторанов, бульваров, старины и модерна, такого выхода из Большого

театра, когда дух занимается от простора, красоты и роскоши, да, да, от роскоши, не надо стесняться этого слова! Вот даже Чехов говорил: «роскошная женщина». Ты хоть про Чехова слышала? Читала?

– Нет, – сказала Гаря и вдруг спросила: – А я роскошная?

– Нет, – ответил Кирилл.

– Потому что нос сломанный?

– Нет, что ты! – тихо засмеялся он. – По Чехову, роскошная женщина – это блондинка, и такая полная. А ты худенькая. И темненькая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.